

Курт
Воннегут

Вампитеры, фóма и гранфаллоны

[сборник]

XX век / XXI век – The Best

Курт Воннегут

Вампитеры, фома и гранфаллоны

«Издательство АСТ»

1974

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Воннегут К.

Вампитеры, фома и гранфаллоны / К. Воннегут — «Издательство АСТ», 1974 — (XX век / XXI век – The Best)

ISBN 978-5-17-103956-1

Великолепная подборка эссе, интервью, критических статей и публицистики самого яркого периода творчества великого американского писателя – с середины 1960-х до середины 1970-х годов. Эту книгу называли «смешной и пугающей, трогательной и печальной», но сам Воннегут говорил о ней так: «Я просто пытался говорить голую правду, без художественных прикрас». Итак: «смеющийся порок Апокалипсиса» Курт Воннегут – о писательстве и писателях, о научной фантастике и великих мистиках, о политике, войне, серийных убийцах, космонавтике, Африке, массовой культуре – и вообще обо всем на свете... так, как умел рассказывать только он! В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-103956-1

© Воннегут К., 1974

© Издательство АСТ, 1974

Содержание

Вступление	6
Вампитеры, фома и гранфаллоны (мнения)	13
Научная фантастика	13
Короткие встречи на Внутреннем водном пути	16
Привет, звезда Вега![1]	23
Обучение необучаемых	25
Да, нирвана нас не посещает!	28
Стойкость	34
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Курт Воннегут

Вампители, фома и гранфаллоны

Kurt Vonnegut

WAMPETERS, FOMA AND GRANFALLOONS

Печатается с разрешения издательства Dial Press, an imprint of Random House, a division of Penguin Random House LLC и литературного агентства Nova Littera SIA.

Публикуется с разрешения Kurt Vonnegut LLC и литературного агентства The Wylie Agency (UK) LTD. Copyright © 1965, 1966, 1967, 1968, 1969, 1970, 1971, 1972, 1973, 1974 by Kurt Vonnegut. All rights reserved

© Kurt Vonnegut, 1965, 1966, 1967, 1968, 1969, 1970, 1971, 1972, 1973, 1974

© Перевод. В. Миловидов, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

* * *

Посвящается Джил, которая меня фикснула

I have traveled extensively in Concord.

Немало странствовал я вокруг Конкорда.

ГЕНРИ ДЭВИД ТОРО

Вступление

Уважаемый читатель!

Название этой книги составлено из трех слов, которые можно найти в моем романе «Колыбель для кошки». Слово «вампитер» обозначает некий объект, вокруг которого могут вращаться жизни людей, иначе никоим образом друг с другом не связанных. Примером такого объекта способен послужить Святой Грааль. «Фома» представляет собой различные формы безобидной лжи, предназначенной для утешения слабых душ. Пример: «До благосостояния – рукой подать». «Гранфаллон» – это исполненное гордости, но совершенно бессмысленное объединение человеческих существ. Взятые все вместе, эти слова являют собой лучший из возможных «зонтиков» для предлагаемого вашему вниманию собрания написанных мною рецензий и очерков, а также некоторых из произнесенных мною речей. Большинство своих речей я никогда не записывал.

Меня хлебом не корми – дай только произнести речь. О, как я люблю аплодисменты! Не меньше, чем легкие деньги. Но однажды, когда я в очередной раз разглагольствовал со сцены в зале библиотеки конгресса, изображая философа, явившегося прямо из прерий Среднего Запада, словесный поток, который струился из меня, вдруг прервался, словно кто-то завернул кран, находившийся в моей голове. Больше я не мог ничего сказать. И это стало концом моей карьеры оратора. Несколько раз после этого я еще выступал, но куда делся тот словоохотливый болтун, которого я так легко изображал?

Самой вероятной причиной того, что я заткнулся, стал вопрос, прозвучавший из зала. Средних лет человек, задавший мне его, показался мне недавним эмигрантом из Центральной Европы.

– Вы вождь американской молодежи, – сказал он. – Какое право вы имеете учить их быть такими циничными пессимистами?

Не был я никогда вождем американской молодежи! Я был писателем, которому, по правде говоря, больше пристало бы сидеть дома и сочинять, а не искать легких денег и громких аплодисментов.

Могу назвать несколько хороших писателей Америки, ставших замечательными публичными ораторами, но которым теперь трудно сконцентрироваться во время работы – так им не хватает аплодисментов.

Тем не менее, я думаю, что публичные выступления для успешного поэта, прозаика или драматурга единственный способ сделать хоть что-то в сфере политики. Если писатель задумает обручить политику и художественный вымысел, то изуродует свою работу до неузнаваемости.

Одна из многих нелепостей американской экономики: писатель получит гораздо больше денег за выступление в нищем колледже, чем за гениальный рассказ, напечатанный в журнале. Более того, он может продать и перепродать свою речь, и никто на него не обидится.

Люди вообще редко обижаются на плохие речи – даже на такие, что стоят тысячу долларов и больше. Кроме того, меня всегда интересовало, а слушает ли эти речи хотя бы один человек? Однажды перед тем, как мне предстояло произнести речь перед людьми из Американской академии искусств и литературы и Национального института искусств и литературы (она включена в эту книгу), я выслушал любопытное мнение по этому поводу.

Я ждал своего вступления, и меня буквально тошнило от ужаса. Перед аудиторией мы сидели трое в ряд: знаменитый старый архитектор, я и президент академии – три обтянутых кожей скелета; и мы разговаривали друг с другом, как осужденные, на глазах у охраны планирующие дать деру.

Надеясь, что архитектор успокоит меня, я сообщил ему, что мне страшно. Но он без тени сочувствия сказал – да еще так, чтобы слышал президент, – что тот читал мою речь и она вызвала у него отвращение.

Я повернулся к президенту и спросил, так ли это.

– Да, – промолвил он, – но пусть это вас не беспокоит.

Я напомнил президенту: несмотря на то что речь моя отвратительна, я обязан произнести ее.

– Никто не собирается слушать то, что вы им скажете, – заверил он меня. – Людей редко интересует содержание речи. Они просто хотят понять – по вашему тону, жестам, выражению лица, – честный вы человек или нет.

– Спасибо, – поклонился я.

– Если что, я наведу порядок, – пообещал президент.

И он навел. А я произнес речь.

В наш фантастический век трансплантации органов и иных форм терапевтической вивисекции было бы нелепым протестовать против того, что тебя препарируют живьем. Именно этим сейчас и заняты два молодых университетских профессора, Джером Клинкович из Университета Северной Айовы и Джон Соумер из Учительского колледжа штата Канзас. Они опубликовали книгу «Воннегут», которая иначе как поминальной не выглядит и представляет собой сборник посвященных мне статей. Теперь они задумали следующий шаг: сборник всех моих текстов, ранее не появлявшихся под книжной обложкой.

Эти люди предоставили моему издателю чудовищно полную библиографию. Я не веду записей относительно сделанного и рад бываю забыть многое из того, что уже написал. Клинкович и Соумер провели следствие, осудили меня и вынесли приговор, освеживший мою память. Хотя их намерения и были самыми дружественными. Они видели себя такими археологами, добывающими из-под земли древние артефакты, которые помогли бы объяснить, кем я в итоге стал. Хотя самые отвратительные артефакты были относительно недавнего происхождения. И, изучив этот мусор, который, вне всякого сомнения, относился к продуктам моей жизнедеятельности, я почувствовал себя совсем не так, как дух Тутанхамона, прославленного археологами. Убийственно живым, да еще и обвиняемым в самых жалких, самых убогих преступлениях и проступках – вот как я себя почувствовал!

Из этого мусора я и составил книгу. Мне не удалось бы сделать это без помощи Клинковича и Соумера, которые одни знали, где закопаны почти все трупы. Не ведают они только о трех-четырех моих работах. Но даже велья – самая изуверская попытка из тех, что были изобретены жителями Земли за время их существования, – не заставила бы меня открыть место и время их публикации.

И вместе с тем мне не стыдно за то, что я публикую в этой книге. Я даже рад, что удалось сохранить значительную часть этих материалов. У меня есть несколько коротких рассказов, которые я никогда не включал в сборники. Пусть они так и останутся никому не известными – все, за исключением одного текста, именуемого «Стойкость»; это был сценарий для так и не снятого короткометражного научно-фантастического фильма. Данный текст будет единственным художественным произведением в книге.

Все же остальное, что вы найдете под этой обложкой, – мои попытки говорить по различным поводам голую правду, лишённую орнамента фикциональности. И это заставляет меня

начать беседу о том месте, которое в современной литературе занимает «новый журнализм», противопоставляемый мною литературе вымысла.

Первым «новым журналистом», о ком я могу сказать хоть что-нибудь осмысленное, был Фукидид. Поставив себя в центр своих правдивых историй, он стал по-настоящему знаменитым; когда ему не хватало сведений, он прибегал к догадкам, но в любом случае полагал полезным увлекать и развлекать своих читателей.

Да, Фукидид был опытным учителем. Ему не хотелось, чтобы ученики клевали носом над его правдивыми историями, а потому, рассказывая их, он прибегал к помощи поразительно человеческого языка, и они легко запоминались.

Фукидидом следует восхищаться за его стремление стать полезным, за то, что он старался быть хорошим гражданином. Те из моих современников, кто пишет или учит исходя из подобных принципов, также достойны всяческой похвалы. Поэтому я симпатизирую Хантеру Томпсону, например, как и пишу об этом в рецензии, включив ее в эту книгу.

Принадлежу ли я к «новым журналистам»? Наверное, да. В книге есть кое-что от данной манеры письма – там, где я повествую о Республике Биафра или о конвенции Республиканской партии в 1972 году. Все это написано в свободном стиле, с долей субъективности.

Но больше на такого рода тексты меня не соблазнить. Раньше я еще колебался, но теперь твердо убежден, что литература вымысла – гораздо более правдивый способ излагать истину, чем «новый журнализм». Или, если сказать иначе, лучший вид «нового журнализма» – фикциональная литература.

Любой художник – репортер. Но «новый журналист» не в состоянии сообщить или показать своему читателю столько же, сколько способен сообщить или показать писатель, использующий в качестве инструмента художественный вымысел.

Есть много таких мест, куда первому путь закрыт, в то время как второй может повести своего читателя куда угодно, даже на Юпитер – в том случае, если там есть нечто, что следует увидеть.

Но в любом случае, и это принципиальный момент, усвоенный мною в Американской академии искусств и литературы: главное не то, говоришь ты правду ли нет. Главное – производишь ли ты впечатление честного человека.

Размышляя о журналистике и литературе, я вспомнил, как много лет назад, во время урока по физике на первом курсе Корнелльского университета, стал свидетелем демонстрации различий между шумом и мелодией (в любом американском университете физика на первом курсе – самый адекватный предмет). Профессор взял небольшую деревянную пластинку длиной с армейский штык и с силой швырнул о стену класса, сделанную из шлакоблоков.

– Это шум, – прокомментировал он возникший звук.

Затем он взял еще семь примерно таких же пластин и принялся быстро бросать их об стену – так, как бросают метательные ножи. И пластинки, ударяясь о препятствие, сыграли первую фразу песенки «У Мэри был барашек белый». Я был очарован.

– Это мелодия, – пояснил профессор.

Так вот: литература вымысла – мелодия, а журналистика – старая или новая – всего лишь шум.

Еще этот профессор читал лекцию о равновесии. В классе стоял ряд шкафчиков высотой по пояс и длиной футов двадцать, из-за которого профессор и говорил, при этом к его пальцу был привязан шнурок, и он, объясняя про равновесие, постоянно дергал за него, словно играл в «йо-йо», хотя саму игрушку из-за шкафов мы не видели.

Продолжалось это большую часть урока. Наконец профессор поднял руку, чтобы мы могли увидеть, что же у него на конце шнурка. Это была деревянная рейка длиной двадцать футов, привязанная ровно за середину.

– Это и есть равновесие, – объяснил профессор.

Я постоянно теряю и вновь обретаю равновесие, что и есть сюжет всей популярной литературы. Да я и сам произведение литературы. Помню, однажды я встретился с театральным продюсером Хилли Элкинсом. Тот недавно купил права на экранизацию «Колыбели для кошки», и я изо всех сил старался показаться цивилизованным человеком – отпускал какие-то достойные этой роли замечания, на что Хилли, покачивая головой, сказал:

– Нет, нет и еще раз нет. Нужно говорить это в стиле Уилла Роджерса, а не Кэри Гранта.

Сейчас наконец я обрел равновесие. Сегодня утром получил записку от читателя, которому только что исполнилось двадцать лет. Он прочитал мой последний роман «Завтрак для чемпионов» и написал: «Мистер Воннегут, пожалуйста, не убивайте себя!» Да благословит его бог! Я ответил, что со мной все в порядке.

Я посвящаю эту книгу человеку, который помог мне обрести равновесие. Я написал выше, что она меня «фиксировала». Это еще один неологизм. Джил пришла ко мне с ясно выраженным желанием «зафиксировать» мою чудесную жизнь на фотографиях – день за днем. То, что из этого получилось, оказалось более глубоким, чем простая «фиксация».

Включенное в эту книгу мое интервью для журнала «Плейбой» почти столь же фиктивно, как и моя мимолетная имитация Кэри Гранта. Это то, что я должен был бы сказать, но не то, что в действительности произнес. «Плейбой» показал мне распечатку того, что я наговорил им на магнитофон, и для меня стало очевидным, что я обладаю по меньшей мере одним качеством, роднящим меня с Джозефом Конрадом, а именно: английский – мой второй язык. Но, в отличие от Конрада, у меня первого языка не оказалось, а потому я принялся работать над распечаткой, вооружившись карандашом, ручкой, ножницами и «мазилкой», желая доказать всем, что пользоваться родным наречием и думать на нем о важных вещах для меня проще простого.

Именно это более всего привлекает меня в писательских трудах: они позволяют посредственности, проявившей терпение и прилежание, отредактировать собственную тупость и превратить ее в некое подобие ума. Безумцам же подобная работа позволяет в итоге прикинуться более здравомыслящими, чем самые разумные из представителей человечества.

Вот как я представляю в настоящее время Вселенную и место в ней человека.

Искавление Вселенной – не более чем иллюзия. На самом деле Вселенная прямая как струна, за исключением микроскопических петель на обоих ее концах.

Один из концов струны постоянно исчезает, словно растворяется. Расположенная рядом с этим концом петля неизменно отступает, спасаясь от исчезновения. Другой же конец струны, не останавливаясь, растет. Находящаяся рядом с растущим концом петля вечно преследует Акт Творения.

В начале и в конце было Ничто. Ничто подразумевает, что существует Нечто. Но из Ничто не получить Нечто. Поэтому Ничто только предполагает Нечто. А Предполагаемое и есть Вселенная – прямая как струна, как я уже сказал, с петлями на каждом конце.

Все мы – осколки этого предположения.

Вселенная отнюдь не бурлит жизнью. Она населена в единственной точке существами, способными исследовать ее и высказывать на сей счет суждения. Этой точкой является планета Земля, навечно помещенная в центр Подразумеваемого, ровно посередине от концов Вселен-

ной. Все мерцания и сполохи в ночном небе вполне могут быть произведены огнем костра обычного ковбоя – сколько бы жизни и мудрости они в себе ни несли.

Теперь – по поводу того, что случилось с людьми, которых я описал в этой книге. К концу войны в Нигерии нигерийцы убили чуть меньше биафрийцев, чем я предполагал. Нигерийцы милосердны. Но мозг многих биафрийских детей уже не восстановится от последствий пережитого ими голода, вызванного блокадой, устроенной нигерийцами.

Этим маленьким страдальцам, живущим в центре Вселенной, будет как минимум оказано больше почестей, чем Ричарду М. Никсону. И конечно, бог позаботится них.

Сам же мистер Никсон является одним из третьестепенных персонажей данной книги. Он – первый президент США, который ненавидит свой народ и все, что ценят американцы. Несмотря на то что Никсон совершил столь отвратительные преступления, он так искренне верит в свою чистоту, что я подозреваю: кто-то в юности поведал ему, что единственными настоящими преступлениями являются преступления сексуального характера, и никто не может быть назван преступником, если он не мастурбатор или прелюбодей.

Однако Никсон оказался очень полезным человеком, поскольку доказал, что наша Конституция – документ никуда не годный, а содержащееся в ней предположение, что американцы никогда не изберут себе президентом человека, который будет люто ненавидеть их, не стоит и выеденного яйца. Чтобы вышвырнуть этого человека из Белого дома и посадить в тюрьму, нам нужно отменить Конституцию.

На данный момент это – главный из моих утопических проектов. Мои же долгосрочные планы – сделать так, чтобы в каждой американской семье было не менее тысячи членов. Только когда преодолеем одиночество, мы сможем более справедливо делиться друг с другом работой и благосостоянием. Я искренне верю, что постепенно у нас появятся такие семьи, и надеюсь, что они станут международными.

В книгу я собирался включить и кое-какие стихи, но обнаружил, что за все эти годы написал только одно стихотворение, заслужившее жить дольше одной минуты. Вот оно:

*Делай,
Синий, красный, белый!
То, что нужно,
Молча, дружно!
Смело
Напрягая тело:
Пятки вместе, врозь носки –
И порви себя в куски.*

Один из моих потерянных рассказов, который, надеюсь, никогда не найдут профессора Клинкович и Соумер, касается долга моих родителей темнокожей поварихе, жившей у нас, когда я был маленьким. Ее звали Ида Янг, и с ней я провел гораздо больше времени, чем с кем бы то ни было, по крайней мере до своей свадьбы. Она знала наизусть всю Библию и находила там изрядную мудрость и утешение. Кроме того, хорошо помнила историю Америки: то, что Ида Янг и прочие темнокожие американцы видели, чему удивлялись и о чем по-прежнему говорили – в Индиане, Иллинойсе, Кентукки и Теннесси. Из антологии сентиментальной поэзии она читала мне стихи о вечной любви, о верных собаках и скромных деревенских домах, где поселилось счастье; о стареющих людях, о прогулках по кладбищам и об умерших младенцах. Я помню название этой книги, и мне хотелось бы иметь ее, поскольку под обложкой этого томика кроется многое из того, кем я стал.

Книга называется «Пусть сильнее бьется сердце», и от нее мне было легко перейти к «Антологии Спун-Ривер» Эдгара Ли Мастера, к «Главной улице» Синклера Льюиса, а потом, как я теперь думаю, и к трилогии Джона Дос Пассоса «США». Все, что я пишу, несет в себе почти невыносимую сентиментальность. Особенно жалуются на это британские критики. А американский критик Роберт Шоулз однажды сказал, что горькой оболочкой я покрываю сахарные пилюли.

Меняться поздно. Но, по крайней мере, я знаю о своих корнях. Они растут из огромного кирпичного, какого-то сонного дома, построенного моим отцом-архитектором, где никто надолго не задерживался, кроме меня и Иды Янг.

В этой книге есть история про Тони Коста с полуострова Кейп-Код, бывшего приятеля моей дочери Эдит. Его обвинили в нескольких убийствах, но многие полагали, что он невменяем, а потому не подлежит обычному наказанию. Я с ним общался. Тони никак не мог поверить, что такой честный и разумный человек, каковым он себя считал, мог быть повинен в убийствах, которые ему приписывали полицейские.

Ко времени суда Тони стал самым известным американцем, которого когда-либо обвиняли в массовых убийствах. Известные криминальные журналисты написали о нем по меньшей мере две книги.

Вскоре на противоположном конце континента арестовали серийного убийцу Чарльза Мэнсона и всю его многочисленную семью. Они стали новыми общенациональными знаменитостями, а Коста за ночь утратил былую славу, превратившись в того, кем он был с самого начала – в нечто Подразумеваемое.

Таков и я. Таковыми были мои родители. Подразумеваемое способно воспроизводить себе подобных. Я сам вырастил троих таких же, как я, а еще троих Подразумеваемых усыновил. Все это пугает!

Кроме всего прочего, я убежден, что заплутал во времени. Завтра мне снова будет три года. А послезавтра – шестьдесят три.

Эта книга должна каким-то образом стабилизировать мое восприятие мира. В итоге она представляет собой карту тех мест, где я предположительно побывал, а также вещей, о которых думал последние двадцать лет. Включенные в книгу рассказы я расположил в хронологическом порядке. Если время, как многие считают, есть прямая и однородная нитка бус и если я вырос и мужал достаточно элегантно, то вторая половина книги окажется лучше, чем первая. Хотя вряд ли. В моих нехудожественных произведениях слишком мало свидетельств того, что я вообще созрел. Все идеи, которые я успел высказать достаточно отчетливо, я умыкнул у разных людей еще до того, как закончил седьмой класс.

Правда, мои приключения в сфере художественной литературы оказались гораздо более удивительными и, я бы сказал, забавными. Здесь, как мне кажется, я показал нечто вроде роста и развития. Было бы здорово, если бы то, что я сказал, оказалось правдой. Тогда получалось бы, что литература вымысла сама наделена творческой силой.

Если человек с обыкновенными мозгами, вроде моих, посвятит себя созданию художественного произведения, то оно, в свою очередь, станет терзать и соблазнять эти мозги, пока они не превратятся в нечто умное. Мой друг, художник Джеймс Брукс, признался мне прошлым летом: «Я кладу на холст первый мазок, а потом уже сам холст делает половину работы». То же самое можно сказать о писчей бумаге, глине, киноплёнке и звуковых волнах, а также прочих безжизненных субстанциях, которые человеческое существо способно превратить в учителей мудрости и товарищей по играм.

В основном я говорю об американцах. О других странах знаю мало. Раньше я думал, что американцы могли бы увеличить меру своей мудрости посредством экспериментов над собственными телами или с помощью медитации, технику которой можно позаимствовать из

Азии. Теперь же я должен заметить, что подобные экзотические экскурсии не принесли американцам, погрязшим в банальности, никаких плодов, а истории приключений, какие они пережили в дальних странах, интересны лишь им самим.

В общем, единственный способ, который поможет американцам преодолеть свое убожество, повзрослеть, а потом спасти себя и всю нашу планету, – это установить искренние и страстные отношения с плодами собственного воображения. Что касается плодов моего воображения, моих романов и рассказов, то я не очень ими доволен. Но меня всегда поражают неожиданные прорывы в запредельное, открывающееся передо мной, когда я работаю в сфере воображения. И как же контрастируют эти прорывы с теми деревянными идеями, которые постукивают по поверхности моего стола, когда моя цель – написать правду.

Искренне ваш, Курт Воннегут

Вампители, фома и гранфаллоны (мнения)

Научная фантастика

Много лет назад я жил в городке Скенектади, штат Нью-Йорк. Работал на компанию «Дженерал электрик», был со всех сторон окружен машинами и мыслями о них, а потому написал роман – о людях и машинах, причем машины в противостоянии с людьми одерживают верх, как и положено (книга была названа «Механическое пианино», и она вновь была издана и в твердой, и в мягкой обложках). Из рецензий узнал, что я – автор научно-фантастической прозы.

А мне было и невдомек. Я-то думал, что пишу роман о жизни, о вещах, которые видел и слышал в Скенектади, очень реальном городе, странным образом попавшем в наше отвратительное сегодня. С тех пор, неизменно раздражаемый этим обстоятельством, я являюсь постоянным жильцом ящика, на котором висит ярлык «научная фантастика», и мне страшно хочется вырваться оттуда, тем более потому, что многие критики регулярно используют этот ящик в качестве писсуара.

Человек попадает в этот ящик, вероятнее всего, потому что знаком с техникой. До сих пор в обществе преобладает убеждение: нельзя быть уважаемым писателем и одновременно разбираться в устройстве холодильника – равно как ни один джентльмен не позволит себе появиться в городе в коричневом костюме. Во всем виноваты колледжи. Тех, кто изучает английскую литературу, как мне известно, учат ненавидеть химию и физику, а также гордиться тем, что они не такие унылые и жуткие, полностью лишённые чувства юмора и бредящие войной, как инженеры по ту сторону университетского дворика.

Наши самые влиятельные критики являются выходцами из этой среды, а потому их по сей день тошнит от науки и техники. Их презрение к научной фантастике представляется вполне естественным.

Но есть писатели, безумно счастливые тем, что их называют фантастами. Такого автора тревожит сама возможность того, что кто-то заклеит его именем обычного рассказчика или романиста, который – так, между делом – может вставить в свою писанину упоминания о плодах научно-технического прогресса. Такой писатель нежно оберегает свой статус, поскольку его коллеги по цеху любят его – как любят друг друга члены старинных старомодных семейств. Писатели-фантасты часто встречаются, успокаивают друг друга и хвалят; они обмениваются письмами по двадцать страниц в одинарный пробел и, получив такое письмо, со всей присущей им чувствительностью обязательно спрыскивают это событие, сопровождая чтение миллионом приятных ударов сердца и тысячью радостных смешков.

Я общался с ними. Более щедрых и занятных людей среди писательской братии я не знаю, но я хочу сделать заявление, которое, конечно же, разозлит их. Эти люди – просто любители потусоваться, некое подобие масонской ложи. Если бы им так не нравилось собираться вместе, такой бы категории, как научная фантастика, просто не существовало. Как им нравится засиживаться за полночь, обсуждая вопрос: а что такое научная фантастика? С такой же пользой можно обсуждать, что такое лось. Или что такое орден «Восточной звезды».

Каким бы серым и тусклым был мир без этих бессмысленных людей! Мы бы реже улыбались, а книг у нас было бы в сто раз меньше. И вот что я хочу сказать про публикацию фантастики: если человек хоть немного умеет писать, его непременно опубликуют. Жуткий мусор был так востребован в «золотой век» журналов, который закончился совсем недавно, что эта востребованность привела к изобретению электрической пишущей машинки и неожиданно профинансировала мой побег из Скенектади. Счастливые были дни! Но сегодня суще-

ствует лишь один тип журналов, в который невнятно бормочущий графоман может обратиться в поисках литературного признания. Догадайтесь, что это за журналы!

Я совсем не хочу сказать, что редакторы научно-фантастических журналов, антологий и романов – люди без всякого литературного вкуса. Отнюдь, и мы понемногу придем с вами к этому пониманию. Из всех, кто пасется на данном поле, вкуса лишены 75 процентов писателей и 95 процентов читателей. Хотя, может, дело не в отсутствии вкуса, а в некоей детскости, отсутствии зрелости. Голытьбу не волнует возможность зрелых отношений – пусть даже и с машиной. То, что ей известно о науке, к 1933 году было исчерпывающе изложено в журнале «Популярная механика». О политике и экономике она судит по альманаху «Информация для вас» от 1941 года. Об отношениях же между мужчиной и женщиной литературная голытьба знает в объеме сериала «Мэгги и Джиггс» – как в его обычном, так и в порнографическом варианте.

Когда-то я преподавал в старших классах слегка необычной школы для слегка необычных детей, для которых фантастика – любая фантастика – была, что валерьяновые капли для кошки. Но, несмотря на свою сообразительность, они никак не могли отличить одну историю от другой. Более всего их увлекало в этих книгах – кроме того, что они представлялись им комиксами, но без картинок, – выложенное на блюдечко будущее, которое они, не прилагая никаких особых усилий, могли поставить себе на службу. В этом будущем они обязательно были высокопоставленными деятелями, добиваясь положения без всяких усилий – со всеми своими прыщами, девственностью и прочими заморочками.

Странно, но их совершенно не увлекала американская космическая программа. Не потому, что она была для них слишком зрелой, напротив, мои ученики были совершенно очаровательным образом осведомлены, что ее финансируют и комплектуют такие же тугие на ухо подростки, какими были они сами. Просто они являлись реалистами: сомневались, что когда-нибудь смогут окончить школу; знали, что, если какой-нибудь кретин из них захочет прикрепиться к космической программе, ему как минимум нужна будет степень бакалавра, а если станет претендовать на действительно крутую работу, то и доктора наук.

Кстати, большинство из них все-таки окончили школу. А многие теперь с радостью читают о будущем, настоящем и даже прошлом, которое они никак не могут заставить себе служить, – читают «1984», «Человека-невидимку», «Мадам Бовари». Особенно их заводит Кафка. Ценители научной фантастики скажут: «Ха! И Оруэлл, и Эллисон, и Флобер, и Кафка – все они мастера научной фантастики». Они часто делают подобные заявления.

Кое-кто из них достаточно безумен, чтобы замахнуться на Толстого. Наверное, мне придется признать, что все люди, достойные хоть какого-то упоминания, принадлежат, по сути, к братству «Дельта Ипсилон», моему содружеству, – знают они об этом или нет. Кафка наверняка был бы членом этого братства – отчаянно несчастным.

А теперь послушайте, что я скажу про редакторов, про составителей антологий и про издателей, которые поддерживают жизнь на поле, занятом научными фантастами. Они – все, как один, – умнейшие, душевные и информированные люди. Принадлежат к тем немногим американцам, в чьем сознании гармонично переплелись две культуры, о которых писал Ч. П. Сноу. Они печатают так много барахла потому, что найти что-либо хорошее теперь трудно, а также потому, что считают своим долгом поддержать любого писателя (каким бы гадким он ни был), у которого хватит смелости включить технику в качестве одной из постоянных величин в уравнение человеческого существования. Пошли им бог удачу!

Они ищут полнокровные образы новой реальности. И время от времени находят их. Рядом с самой плохой американской литературой (я не говорю об образовательных журналах – это особая статья) они печатают и кое-что из самой лучшей. Несмотря на мизерный бюджет

и незрелую читательскую массу, они могут найти и опубликовать по-настоящему отличные рассказы, потому что для немногих первоклассных писателей искусственная ниша, тот ящик, на котором написано «научная фантастика», будет всегда родным домом. Эти писатели быстро становятся стариками, и их пора причислить к великим. Почет и слава их не обошли стороной. Сообщество, к какому они принадлежат, не скупится на похвалы в их адрес. Не скупится и на любовь.

Скоро это сообщество исчезнет, растворится, как это происходит со всеми сообществами. И все больше и больше писателей из «мейнстрима», как фантасты называют авторов, существующих за пределами их «ящика», будут включать технику в свои повествования или, по крайней мере, станут выказывать ей должное уважение – как злой мачехе. Вы же, если пишете истории с вялыми диалогами и невнятной системой мотивов, неясными характерами и полным отсутствием здравого смысла, впрысните в них немного химии, физики, а может, и колдовства и смело отправляйте в журнал, практикующийся в публикации научной фантастики.

Короткие встречи на Внутреннем водном пути

Моторная яхта «Марлин» длиной пятьдесят один фут относится к памятникам своего времени – она была построена в 1930 году для Эдсела Форда. Ее массивные формы, красное дерево отделки, устремленная вперед рубка с лобовым стеклом от фирмы «Штутц Биркет» и стремительные обводы корпуса словно ждут: сейчас на борт спустятся актер Джимми Уокер под руку с Тексас Гуинан, и начнется...

Но последние девять лет эта вместительная, полная воздуха и чрезвычайно удобная яхта была собственностью Джозефа П. Кеннеди, который возил на ней своих многочисленных отпрысков. И, хотя здесь и обсуждались порой политические «замыслы с размахом», как сказал бы Гамлет, основными пассажирами яхты во время летних сезонов в порту Хианнис являлись дети.

С 1930 года судно с бортовым номером 132 сменило восемь владельцев. Его спроектировала фирма «Элдридж-Макиннис» и построила компания «Ф.Д. Лоули» – обе из Куинси, штат Массачусетс. Ход обеспечивают два мощных двигателя «Крайслер империал» по двести двадцать пять лошадиных сил каждый. Шкафчики на борту забиты водными лыжами, рыболовными принадлежностями и не востребованными кроссовками всех размеров. Под диваном спрятан семейный флаг – белое полотнище с двумя большими, цвета розы, звездами в центре и девятью звездами поменьше по верхнему краю.

Капитан «Марлина» Фрэнк Виртанен из Западного Барнстейбла, что на полуострове Кейп-Код, говорит о своих нынешних обязанностях:

– Вряд ли человек, не имеющий собственных детей и не понимающий детей в принципе, смог бы удержаться на этом месте и не свихнуться.

Капитан Виртанен – выпускник Массачусетской морской академии. Он командовал танкерами – как на войне, так и в мирное время. Теперь же командует яхтой Кеннеди, оборудованной системой резиновых ковриков и штормовых портов, которые позволяют ему в мгновение ока смыть с палубы шлангом остатки шоколадных пирожных и бутербродов с арахисовым маслом и желе.

Недавно капитан Виртанен попросил меня временно стать его матросом – он собирался отправиться на ежегодную осеннюю регату по внутреннему водному маршруту от порта Хианнис до Уэст-Палм-Бич. Этот путь регулярно проделывают яхты многих миллионеров, хотя сами их владельцы редко находятся на борту.

– Конечно, – ответил я. – Непременно!

Можете назвать меня Молли Блум. Можете – Исмаилом.

Когда речь заходит о деньгах, я оказываюсь полным дураком. Я согласился поработать матросом за весьма скромное вознаграждение плюс все, что я смогу приготовить и съесть, что в итоге оказалось немало. Думаю, я так много ел, потому что очень волновался, боясь перепутать бак и полубак. Фрэнк настаивал, чтобы на корабле мы использовали только морские термины.

Он жил в кормовой каюте, которая снаружи выглядела роскошно – с венецианскими шторами на окнах! Хотя, по сути, это было машинное отделение, и Фрэнк спал в гамаке, натянутом над небесно-голубым кожухом наших моторов.

Я спал на узкой койке в главной каюте. У нас была газовая плита с двумя конфорками, старомодный ящик для льда, горка с фарфором и покосившимися стеклянными дверцами в свинцовой оправе, а также умывальник с тазом размером с футбольное поле.

– Не хочу обидеть никого из Кеннеди, – произнес я. – Но все это было бы отличной декорацией для какой-нибудь пьесы Клиффорда Одетса о Великой депрессии. «Занавес поднимается, и мы видим кухню квартиры в доме у железной дороги в Нижнем Ист-Сайде...»

Капитанский мостик был продуваем насквозь, этому не мешали холщовые шторы. На более современных судах инструменты управления перенесены в каюту и интегрированы в консоль стереотелевизора, причем нактоуз спрятан в пластиковой панели, имитирующей палисандр.

У нас же единственное развлечение – радио. У приемника есть набор обычных популярных частот, но Фрэнку не до них. Для него лучшее шоу – сигнал бедствия, поэтому приемник настроен именно на специальную частоту. Время от времени кто-то вызывает береговую охрану и спрашивает, слышно ли его. И все.

– Разве вам не интересны новости политики? – спрашиваю я.

Как капитан «Марлина» Фрэнк встречался с крупнейшими политиками – с Линдоном Джонсоном, со всеми Кеннеди, со многими другими.

– Разве вам не любопытно, что поделывают сейчас ваши знаменитые друзья?

– Что?

– Ладно, забудьте!

Внутренний водный путь пересекает всю страну. Та часть, по которой мы шли, представляет собой систему заливов, озер, рек и ручьев в непосредственной близости от Атлантического побережья. Эти водоемы углублены до двенадцати футов, соединены каналами и размечены так же просто, как проходы между рядами в образцовых супермаркетах.

«Медленный ход! Скопление судов!» – предупреждают знаки на берегу. Или: «Марина Билла и Тельмы Суноко. 8 миль вниз по течению. Принимаем любые кредитные карточки», и так далее.

Разводные мосты, крутые изгибы каналов, ограничения скорости, великое множество судов – все замедляло путь, который отнял у нас четырнадцать дней, но это вносило и разнообразие, забавляло и обеспечивало безопасность движения.

Наш маршрут – не единственная артерия в системе. Здесь масса ответвлений, параллельных протоков – огромный выбор вариантов. Над всеми путями-дорогами нет единого управляющего органа; управление обеспечивает целая сеть федеральных и местных агентств, а часто вдали от основных путей дело берут в руки и частные предприниматели.

Романтики утверждают, будто Внутренний водный путь простирается до самого штата Мэн. Совершенно не согласен, поскольку мы с Фрэнком едва не потеряли «Марлина» со всем экипажем на октябрьской зыби в заливе Баззардс и проливе Лонг-Айленд. Мы прошли через Нью-Йорк на гребне отливной волны из апельсиновых шкурок, обогнули Сэнди-Хук с восточной стороны и не видели спокойных вод, пока, прорвавшись через полосу прибой, не попали в залив Манасквен в Нью-Джерси.

Именно там начинается Внутренний водный путь.

В бухте Манасквен «Марлина» узнавали. Щегольской вид выдавал в нашей яхте близость к семейству Кеннеди, и она засветилась на многих фотографиях в газетах. Найти ее было нетрудно.

Я заливал в баки горячее, когда по палубе, хромая, подошел пожилой человек с незажженной трубкой во рту. Он молча смотрел на «Марлина», а потом произнес:

– Судно Кеннеди?

– Да.

- Идете в Вашингтон?
- В Уэст-Палм.
- Он грустно улыбнулся:
- Все едино!
- Мудрец!

Погода стояла спокойная, и на следующий день мы с Фрэнком решили пойти по внешней, океанской, стороне водного пути – здесь, ниже Манасквена, есть возможность выбора. Если у вас не свадебное путешествие, это самое разумное решение. Сэкономите время. Поэтому так получилось, что мне не удалось увидеть внутренний маршрут, который в этом месте пересекает Нью-Джерси. Фрэнк сказал, я умер бы со смеху, проплывая мимо задних дворишков местного населения.

Пройдя через канал Кейп-Мэй, мы направились вверх по заливу Делавэр. Там, на входе в канал Делавэр-Чесапик, нас остановил патрульный катер инженерных войск. Командир катера, лейтенант, захотел узнать длину нашей яхты, ее осадку, а также прочие детали. Мы сказали, что осадка у нас немногим более трех футов.

- Владелец? – спросил лейтенант.

Ответ был достаточно сложен, так как, строго говоря, «Марлин» являлся собственностью делового партнера мистера Кеннеди. Фрэнк назвал имя.

- Адрес?
- Джозеф П. Кеннеди, порт Хианнис, Массачусетс, – произнес Фрэнк.
- Лейтенант ничем не выдал того, что он что-то понял.
- Улица?
- Там нет улиц, – объяснил Фрэнк. – Это сельский поселок. Все друг друга знают.

Ночь мы провели на канале, где вновь заправились, взяв на борт 160 галлонов топлива. Фрэнк занялся подсчетами.

- Мы тратим на милю меньше чем один галлон.
- Это хорошо, Фрэнк?
- Замечательно!

Когда мы добрались до Уэст-Палм, я посчитал, сколько мы купили горючего: 1522 галлона.

Марины, что очень удобно, равномерно разбросаны по всему Внутреннему водному пути. Всегда под рукой горючее или механик, хотя механики здесь плоховатые.

- В обычном доме больше инструментов, чем у этого мастера, – сказал Фрэнк об одном из них. – Не может навернуть пробку на бутылку виски, не перехлестнув провода.

Марины, где идет по-настоящему большой бизнес, – это главным образом заправочные станции. Они делают деньги на продаже горючего. Средняя цена ночной стоянки здесь составляет около семи центов за один фут – невероятно мало, если учесть бесплатное электричество, воду, пользование душем и телевизионными комнатами.

Как и обычные заправочные станции, марины могут быть как ослепительно чистыми, так и невероятно грязными. Новейшие карты показывают, где они находятся и какие услуги предлагают. Основное правило: чем ближе к югу, тем роскошнее марина, что вполне естественно.

Хотя совсем необязательно каждую ночь проводить в марине. Есть такая вещь, как якорь.

В канале Делавэр-Чесапик мы встретили множество двигающихся к югу яхт, владельцами которых являлись миллионеры. В нашей марине их было более двадцати, и они могли бы использовать «Марлин» в качестве спасательной шлюпки.

На приборной доске у нас красовался медальон, по поверхности которого тянулась надпись: «О господи! Твой океан так велик, а мой корабль так мал!» Когда я впервые прочитал это, то сказал себе: «И все-таки пятьдесят один фут – не так уж и мало!» Увы, это не так.

Вообще-то, миллионеров поблизости не наблюдалось, зато их капитаны, повара и матросы оттягивались у «Шэфера», в знаменитом ресторане, где подают блюда из морепродуктов. Помещение, полное профессиональных моряков, способно привести меня в замешательство. Никто ни на кого не смотрит, все сидят, уставившись на горизонт.

Мы сели вместе со старым приятелем Фрэнка – Бертом из Новой Шотландии. Ему слегка за шестьдесят, у него ясные голубые глаза и цвет лица старого потертого чемодана. Он – капитан яла «Чэрити Энн Браунинг», судна длиной шестьдесят восемь футов. Они с Фрэнком дружили уже пятнадцать лет. Фрэнк не знал фамилии Берта, только его имя, и это давало ему ощущение превосходства. Берт вообще не знал никаких имен и фамилий. Он всех называл «капитан». Даже меня. Когда я отказался от этого наименования, он уже не включал меня в разговор. Тогда я не знал, что на Внутреннем водном пути каждый – капитан. Скажи, что ты не капитан, и никто не станет тебя замечать. Ты просто исчезнешь.

Берт пригласил нас на борт «Чэрити Энн Браунинг» выпить вместе с глубоко несчастным шведом Гюнтером. Тот был капитаном миниатюрного океанского лайнера «Голден Хинд IV», который возвышался над «Марлином», как Град божий.

«Чэрити Энн Браунинг» снаружи выглядела как деловитый парусник – раньше такие торговали копррой. Внутри же яхта была похожа на люкс невесты в новехоньком мотеле «Рено» – толстые ковры, три ванны, отделанные кафелем; пятнадцатифутовый диван, покрытый леопардовой шкурой; и паровое отопление. В каюте хозяина находилась королевских размеров кровать с отвернутым покрывалом. Простыни и подушки на постели были в незабудках.

Паруса на этой яхте никогда не поднимали. Здесь стоял большой неуклюжего вида дизельный мотор, который и двигал яхту по воде. Как сказал позднее Фрэнк, «этому судну паруса нужны так же, как атомной подлодке».

Берт содержал яхту в идеальной чистоте и порядке, не позволяя никому ничего трогать руками. Он не разрешил нам сесть на диван. Я по ошибке воспользовался пепельницей, и он немедленно забрал ее у меня, вымыл и аккуратно убрал в шкаф.

Той же ночью я заметил, как Берт и двое его матросов по обледенелому причалу идут в туалет на берегу, не рискнув воспользоваться тем, что есть у них на яхте.

Увидев полуразложенную постель, я спросил Берта, не ждет ли он на борт хозяина яхты. Тот ответил, что вряд ли встретит этого человека по меньшей мере еще три месяца.

– Хозяина? – уточнил Гюнтер. Он чувствовал себя уже хорошо. – Да кто такие эти хозяева? Как хоть они выглядят, хотел бы я знать?

– Вы ни разу не видели своего хозяина? – спросил я.

– Как же! Вижу постоянно! Два месяца в прошлом году. Пятнадцать минут в позапрошлом. Когда я в последний раз писал ему, то попросил его прислать свою последнюю фотографию. Идиотская страна. Каждый год здесь строят тысячи яхт для людей, которые не хотят на них ходить. Зачем они им тогда нужны? Чтобы похвалиться какой-нибудь дамочке, что, дескать, у них есть яхта с капитаном?

– Ваш хозяин отвечает на письма?

– Конечно. «Отведи судно в Бар-Харбор», – пишет он. «Иди на яхте в Майами, пройди через Магелланов пролив и покрась ее в небесно-голубой цвет».

Гюнтер закатил глаза.

– Платит он хорошо. Я даже получаю прибавки. Только часто просыпаюсь ночью и шепчу себе: «Эй, Гюнтер, какого черта ты здесь делаешь?»

Днем этот роскошный флот покидает марину. Цепочкой мы вытягиваемся вдоль залива Чесапик. Никто не договаривается о месте очередной встречи, но яхты лениво движутся одна за другой, причем капитаны руководствуются не столько картой или компасом, сколько маневрами идущего впереди судна.

Фрэнк, правда, предупредил, что так поступать нельзя.

– Нет здесь ничего опаснее, чем думать, будто парень впереди тебя знает, что он делает, – сказал он.

Оказывается, на многих из этих судов во Флориду плывут совсем молодые люди, часто – родственники владельцев. Их цель – оттянуться, и в головах у них совсем пусто.

Позднее мы сбросили скорость до десяти узлов из-за потрескивания в выхлопном коллекторе (обычно мы идем на пятнадцати), и нас обогнала трехкаютная яхта фирмы «Крис-Крафт». Ее капитан вызывал нас на частоте сигналов бедствия, которая у нас была, естественно, включена. Но я не услышал вызова, а Фрэнк находился внизу.

– Эй, на «Марлине», проснитесь! Ну же, на «Марлине», отвечайте!

Наконец Фрэнк услышал и произнес:

– Яхта «Марлин», прием.

– Слушайте, на «Марлине»! У вас карты есть?

– Конечно.

– Вы не скажете, где мы хоть находимся?

Мы сообщили ему наши координаты, но через несколько дней вновь увидели эту яхту в Элизабет, на сей раз поднятую в марине на рельсовом стапеле. Оба ее винта и руль были сорваны.

К северу от Норфолка Внутренний водный путь – это обычный транспортный маршрут. Здесь не до красот и развлечений. Движение судов плотное и напряженное. С оживленных берегов поднимаются столбы дыма и слышится шум многочисленных предприятий. К югу от Норфолка, где наш маршрут проходит по медленному древнему каналу Дисмал-Суомп, берега сближаются, деревья нависают над водой, климат смягчается и становится нежно-маярийным. Здесь наконец-то начинаешь ощущать себя Гекльберри Финном.

Мы с Фрэнком сняли куртки, закатали рукава и подняли шторы на капитанском мостике. У оператора шлюза купили несколько банок болотного меда. Пока шлюз наполнялся, пронесся слух, что по каналу проходит яхта Кеннеди.

– Там с вами Бобби нет? – кто-то насмешливо крикнул с берега.

– Нет! – отозвался Фрэнк и, повернувшись ко мне, сказал: – Мы на Юге.

Вплоть до самой Флориды мы дышали роскошными испарениями необитаемых южных болот. По пути нам встречались мелодраматические грязевые отмели и притопленные стволы упавших деревьев. Вода была похожа на кофе, но каких птиц мы видели! Я сказал Фрэнку, как мне нравится то, что значительная часть Восточного побережья практически не обита. Но и скуки тут я хлебнул немало.

Монотонность пути мы разнообразили тем, что объедались как свиньи да пугали звуком рожка бакланов, сидевших на знаках по берегам канала.

– Убирайся с моего знака! – кричал Фрэнк, включая рожок, в то время как мы оба упле-тали ливерную колбасу, сэндвичи с болотным медом или еще какой-то чертов деликатес, кото-рый был призван помочь Фрэнку победить язву и обойтись без операции.

Однажды днем мы прошли мимо кеча с поднятыми парусами. Человек, стоящий у рум-пеля, был весь в складках жира. Он был невероятно толстый, но румяный, и на лице его было такое решительное выражение, словно перед ним стояли сложнее и опаснейшие задачи.

– Многие считают, – пробормотал Фрэнк с набитым ртом, – что под парусом ходят самые стройные и спортивные на свете люди. Но это далеко не так.

Лучшая часть путешествия – бродить вечером по незнакомым городам и поселкам – Эли-забет, Морхед, Мертл-Бич, Чарлстон, Айл-оф-Хоуп, Джексонвилл, Коукоу и Уэнт-Палм.

Никогда не забуду обрывок разговора, услышанный мною в Чарлстоне, в Южной Каро-лине:

– Тут есть женщина, которая на улице на меня не посмотрит. Но я могу позвонить ей по телефону, и она будет часами со мной разговаривать.

Перед тем как мы отправились в путешествие, многие подкалывали нас, утверждая, что женщины будут табунами осаждают нас в каждой марине, куда мы придем на яхте Кеннеди. Но оказалось, что на подобных маршрутах женщина – редкий гость.

– Женщины только притворяются, будто им нравятся яхты и они обязательно хотят заце-пить кого-нибудь из хозяев, – объяснил капитан. – Для обычной женщины яхта – это еще один дом, за которым нужно следить, только менее удобный. А тут мужчина отдает приказы, словно он капитан Уильям Блай. Двигателю она не доверяет, всяких труб-проводов боится. В магазин или прачечную нужно идти за шесть кварталов.

В одной из марин мы с Фрэнком завели вдумчивый разговор с единственной оказавшейся там женщиной. Правда, когда она увидела нас, то не растаяла от восторга. Во-первых, она была сторонницей Барри Голдуотера. Во-вторых, она одна, без посторонней помощи, управлялась с яхтой побольше, чем наша, – гнала ее из Итаки, штат Нью-Йорк, в Ки-Уэст.

Мы сообщили ей, что пребываем в восхищении относительно ее храбрости, навыков мореплавания и самого судна.

– Дома, – сказала она, – меня зовут Барнакл Биллом, как того парня из застольной песни. Я спросил, почему ей нравится Голдуотер.

– Любой мужчина, способный управлять собственным самолетом или яхтой, починить радио и проявить фото пленку, для меня – номер один!

Стоило менеджеру марины узнать «Марлина», как он вызывал корреспондента городской газеты. Тогда сам менеджер, Фрэнк, а заодно и я появлялись на фотографии в местной прессе. Но самое чудесное признание исходило от чернокожего в Джексонвилле.

– О господи! – воскликнул он. – Это яхта самого президента? Мистера Кеннеди?

Чтобы не усложнять дело, мы кивнули. Парень, покачив головой, восторженно похлопал яхту по борту:

– Обязательно расскажу жене. Это лучшее из того, что со мной произошло в жизни.

Когда мы прибыли в Уст-Палм, Гюнтер, несчастного вида швед, уже встречал нас. Его маленький океанский лайнер обогнал «Марлина» на три часа.

– А вот и мы! – воскликнул Фрэнк.

– Ну и что? – мрачно отозвался Гюнтер. – Смотрите! Все штормовые жалюзи подняты. Еще два месяца здесь никого не будет. А когда приедут, вряд ли найдется сумасшедший, кото-рый захочет поплавать на яхте.

Фрэнк заметил, что семейство Кеннеди довольно активно использует «Марлина».

– Они все чокнутые, – заявил Гюнтер и, повернувшись ко мне, спросил: – Как вам Внутренний путь?

– Как вам сказать, – протянул я. – Хотелось бы в следующий раз идти медленнее. Внимательно все исследовать, бросать якорь в устье впадающих ручьев, просыпаться с птицами. Тот, кто имеет достаточно времени, может организовать себе здесь прекрасную жизнь.

– Сначала купите себе яхту, – отрезал Гюнтер.

Привет, звезда Вега!¹

Весьма приятная комедия была разыграна в рамках сотрудничества Карла Сагана из Гарварда и Иосифа Самуиловича Шкловского из российского Астрономического института имени Штернберга. Поначалу о сотрудничестве не шло и речи, но потом доктор Саган с таким энтузиазмом аннотировал американское издание книги Шкловского «Вселенная, жизнь, разум», что стал соавтором. Шкловский не возражал – он еще и увеличил объем книги, проаннотировав аннотацию Сагана.

В результате мы имеем удивительно авторитетную книгу о Вселенной, предназначенную для обычного читателя, не специалиста. В качестве примера – несколько предложений из книги: «Почему светит солнце?», «Представьте, что наша Вселенная – непропеченный пирог с изюмом...» По поводу последнего Саган замечает: «Бывали аналогии и похуже».

Соавторы никогда не встречались. Русский ученый написал своему американскому коллеге: «Вероятность нашей встречи не выше, чем вероятность посещения Земли инопланетными космонавтами». То, что встреча так и не состоялась, было связано отнюдь не с политической. Просто ни тот, ни другой астроном терпеть не могли путешествий. Кстати, вероятность того, что нас когда-нибудь посетят существа из космоса, равно как и того, что нас уже посещали, значительно больше нуля. Авторы подсчитали, что во Вселенной может существовать много продвинутых цивилизаций, которые каждую тысячу лет могли бы навещать землян.

Поспешу с заверениями: сейчас у нас, как уверены астрономы, никто не гостит. Саган провел этот год в комитете, который изучал отчеты о встречах наших ВВС с неопознанными летающими объектами, и может заявить следующее.

Миф о летающих тарелках представляет собой изящный компромисс между желанием людей верить в традиционного бога-создателя и ощущаемой современным человеком необходимостью каким-то образом принять результаты научных открытий... Регулярно повторяющиеся наблюдения НЛО, а также настойчивость, с какой американские ВВС и научное сообщество отказываются объяснять результаты этих наблюдений, заставляют предполагать существование некоего заговора. Его цель – скрыть от общественности истинную природу неопознанных летающих объектов. Но именно потому, что люди страстно желают, чтобы эти объекты были добры к нам, разумны и имели непосредственное отношение к внеземным цивилизациям, честность требует, чтобы мы... принимали в расчет только самую строгую логику и убедительные свидетельства.

В духе сказанного Шкловский и Саган, признавая математическую вероятность контакта, отрицают существование свидетельств уже состоявшейся встречи инопланетян с Землей.

Именно в будущем нас ждут реальные радости общения с пришельцами. Авторы, очень осторожные во всем, что касается прочих обстоятельств, обещают, что в будущем земляне начнут исследовать Млечный Путь, передвигаясь на скоростях, близких к скорости света. Они говорят о межзвездных кораблях, которые в своих прямоточных двигателях будут использовать атомы, разбросанные по космосу, об антивеществе как топливе, какое космонавты, естественно, станут держать в магнитных бутылках. Шкловский и Саган терпеливо объясняют мне то, что я не могу в силу своей тупости понять: почему сердца и часы при скорости, приближающейся к скорости света, замедляют работу, а время на космическом корабле принципиально отличается от времени у меня на каминной полке.

Я верю во все это, безоговорочно верю, поскольку это входит в мои обязанности. Но я плачу свою цену за собственную глупую доверчивость, которую должен объяснить как интеллектуальную болезнь.

¹ Рецензия на книгу «Разумная жизнь во Вселенной» И. С. Шкловского и Карла Сагана.

Из двух соавторов американский астроном более человечен: после маленьких юмористических отступлений он признает, что читателя – по известным причинам – книжка может испугать. Поэтому доктор Саган счел возможным включить в качестве иллюстраций, наряду с поражающими воображение фотографиями галактик и двойных звезд, карикатуры из комиксов Чарльза Шульца и Чарльза Аддамса, в которых люди (и Снупи) выражают почтительное уважение ко Вселенной. Доктор Шкловский, с другой стороны, выглядит здесь как Том Свифт, бесстрашный герой научной фантастики, готовый истратить на свои изобретения триллионы рублей.

Человеческий интеллект, кстати, уже произвел радикальные изменения в жизни Солнечной системы. Земля неожиданно стала мощным источником радиоэнергии. «Таким образом, – говорит гуманист Саган, – среди характерных черт земной жизни, о которых могут узнать существа, отделенные от нас межзвездным пространством, находится и ужасающее содержание многих американских телевизионных программ». Мысль, что полномочными представителями землян в межгалактических контактах станут туповатый автомеханик Хоумер Пайл да деревенщина из Беверли-Хиллз, несколько отрезвляет.

Обучение необучаемых

Нельзя никого научить хорошо писать. Это умение есть нечто, что бог либо дает, либо нет. Большинство умных людей знакомо с этой истиной, однако количество писательских конференций неуклонно множится с каждым годом. В последнем апрельском выпуске журнала «Писатель» их перечислено шестьдесят восемь.

На следующий год будет еще больше. Они никому не приносят вреда. Они – как мягкая кегля Шму из комиксов Ала Каппа.

Пять лет назад я присутствовал при рождении одной из писательских конференций – Конференции писателей Кейп-Кода в Крэгвилле, штат Массачусетс. Об ее создании хорошенько помолились три жены местных священников, все трое – дамы средних лет. Однажды вечером они пригласили на встречу несколько писателей и преподавателей английской литературы, и председательствующая дама сказала следующее: «Мы подумали, что неплохо было бы следующим летом организовать писательскую конференцию Кейп-Кода».

Помню, дальше она заявила: «Мы полагаем, что уже утвердившиеся писатели получили бы немало удовольствия, помогая таким новичкам, как мы, сделать первый шаг на данном поприще».

И началось. В этом году звездой оказался Айзек Азимов. В прошлые годы таковыми были Ричард Ким и Жак Барзун. На первую конференцию прибыли двадцать шесть новичков от литературы, на следующую – сорок три, через год – шестьдесят три. В этом году, в августе, ожидается около сотни. Большинство слушателей – жены священников, дамы средних лет.

Так все и идет.

Недавно я поздравил одну из организаторов конференции, и она ответила: «Все мы получили огромное удовольствие. Писатели – одинокие люди, и им действительно нравится раз в год собираться вместе и обсуждать проблемы, которые им в равной степени интересны».

Это самая забавная сторона дела: представление, что каждый, кто приезжает на писательскую конференцию, является писателем. Услужливо вспоминаются иные формы летнего отдыха: врачебные конференции, где каждый из присутствующих считает себя врачом; юридические конференции, где все полагают себя юристами; и так далее. Можно даже организовать конференции клана Кеннеди, там каждый участник почувствует себя каким-то образом связанным с семьей Кеннеди.

«Кто приезжает на писательские конференции?» – спросите вы. Случайная выборка из двадцати слушателей будет содержать шестерых недавно разведенных обоюбого пола, троих замужних домохозяек средних лет, пятерых школьных учителей без признаков пола и возраста, двоих бабушек, смахивающих на старых лис, милого пожилого вдовца, полного правдивых историй о работе на железной дороге в Айдахо, одного действительного писателя и врача-терапевта с сорокалетним стажем, который за время работы накопил секретных сведений о больных на целый миллион и хочет все это продать киношникам.

«Как на писательских конференциях обстоит дело с сексом?» – спросите вы. Писатели являются сюда, естественно, не за сексом. Они ненавидят эти конференции. Их интересуют деньги. Они – настоящие зомби. Забрав свои чеки, отправляются домой. Здесь есть исключения, которые только подтверждают правила.

Еще она писательская конференция родилась на моих глазах совсем недавно – 18 июня. Я запомнил дату, поскольку в тот день проводилась вечеринка, посвященная знакомству с факультетом студентов Западного Иллинойского университета, что в Макомбе, штат Иллинойс. На тот же день была назначена Западно-Центральная писательская конференция, спонсором которой выступил университет. Вечеринку и конференцию проводили в мотеле «Тре-

велодж» в Макомбе, между прачечной и баром, где продавалось корневое пиво «Рутбир». На кампусе выпивка запрещена – таковы правила.

Основателем и руководителем этой конференции была не жена священника, а молодой, вечно жующий сигару преподаватель английской литературы Э. У. Джонсон. В рекламной брошюре конференции он написал, что был продавцом подержанной одежды, строительным рабочим и профессиональным игроком в карты. Также он был романистом, автором учебников и единственным преподавателем в Западном Иллинойском университете, опубликовавшим книгу. На вечеринке Джонсон грустил, потому что перед конференцией разослал тысячи брошюр, поместил рекламу в «Райтерс дайджест» и «Сэтердей ревю», а на само действие явились всего девятнадцать человек. Они сидели около стен, мечтательно закатывали глаза и ждали, когда же начнется дружба с писателями.

– Ничего не понимаю, – говорил он, перекрывая голосом льющуюся фоновую музыку и рев машин, участвующих в соревнованиях по дрег-рейсингу на шоссе. – У нас такие же хорошие писатели, как и на других конференциях.

Хотя писательский состав был так себе – серединка на половинку. Был я, кого в брошюре обозначили как «ведущий черный юморист в американской литературе»; Ричард Йейтс, «вероятно, величайший из живущих американских авторов короткого рассказа»; приехал Джон Клеллон Холмс, «официальный биограф поколения битников, недавно закончивший роман «Абсолютные идиоты», написанный с точки зрения «белого юмора», и наконец явился Фредерик Уилл, «один из наиболее разнообразных по творческим интересам писателей Америки, активно публиковавшийся (восемнадцать книг) как поэт, автор нефикциональной литературы и переводчик».

Джонсон признался, что поначалу был вообще уверен только в пяти слушателях, а потом выдал, что сам никогда не присутствовал на писательских конференциях. Я спросил, как он додумался проводить подобную встречу, и он ответил, что привлекли его отнюдь не деньги. Как организатор он получал то, что обычно получал в качестве преподавателя. А так он искренне хотел помочь писателям.

Вечеринка закончилась в полночь. Все уехали домой, за исключением самого Джонсона, пары писателей да недавно разведенной девушки – ушла от араба, как она призналась. Мы сидели вокруг плавательного бассейна, вдыхая хлор и окись углерода.

– Знаете, почему не пришло больше людей? – спросила девушка.

– Нет, – покачал головой Джонсон.

– Потому что «Макомб, Иллинойс» звучит как адская дыра, а «Западный Иллинойский университет» – как захолустная школа, – объяснила она.

То, что сказала эта девица, звучало разумно. Писательские конференции следует проводить в Акапулько под эгидой одновременно Гарварда и Оксфорда и сразу же, через неделю, всем участникам выдавать писательские лицензии.

Вместе с тем из всех конференций, о которых мне известно, самая серьезная и заслуживающая уважения проводится примерно в такой же дыре, как Макомб, – в Блумингтоне, штат Индиана. Хозяин конференции – Университет штата Индиана. Отличный, кстати, университет.

Что вызывает восхищение в принятом здесь подходе, так это убеждение, что ни один начинающий писатель не способен за одну дурацкую неделю ни узнать что-либо, ни научиться чему-нибудь. Серьезно думающий об этой профессии человек обязан ежегодно являться сюда, чтобы можно было оценить его прогресс, а между конференциями должен писать и писать так, чтобы отваливалась рука.

Все мы четверо, суперзвезды, освещавшие провал конференции в Макомбе, были до этого преподавателями на писательском семинаре в Университете штата Айова. Именно там Э. У. Джонсон получил степень магистра гуманитарных наук. Я бросил работу там по проше-

ствии двух лет – не со зла, а оттого, что размяк и совсем забросил собственную писанину: приезжавшие в Айову слушатели были столь талантливы, чутки и продуктивны, что занятия с ними могли продолжаться целыми днями и ночами. Пришлось послать все это к черту.

«Как вы им могли помочь?» – спросите вы.

Сам семинар помогает представить занятия литературным творчеством делом достойным и полезным – уже тем, что формирует сообщество пишущих, которого писатели лишены подчас даже в таких городах, как Нью-Йорк. Начинающий автор получает на семинаре уже добившегося успеха профессионального писателя в качестве наставника, задача которого – внушить ему уверенность в собственных силах и предостеречь от глупых ошибок.

Что касается моего участия в подобных конференциях и семинарах, то я пытался помочь талантливым людям реализовать свое призвание, по возможности не испугав их фактом существования шедевров, уже написанных мастерами, более взрослыми и зрелыми, чем они.

Если прибегнуть к экзотической метафоре, то я, так сказать, пытался забраться к ним в рот – так, чтобы не быть укушенным и, одновременно, чтобы не повредить им надгортанник. Там я должен был нащупать кончик телеграфной ленты, намотанной на шпулю, а потом – дюйм за дюймом – размотать ее и вытащить наружу, чтобы можно было прочитать то, что там записано. А записана там была литературная судьба моего ученика, совершенно не зависящая ни от меня, ни от Университета штата Айова.

Для такой ларингологии в Макомбе, как и прочих летних лагерях, нет никаких условий.

Да, нирвана нас не посещает!

Унитаристский священник узнал, что я ездил встречаться с Махариши Махеш Йоги, который был когда-то гуру для участников группы «Битлз», Донована и Миа Фэрроу, и спросил меня:

– Он мошенник?

Священника зовут Чарли. Унитаристы ни во что не верят. Я – унитарист.

– Нет, – ответил я. – Я был счастлив, просто увидев его. Его вибрации волшебны и глубоки. Махариши учит нас, что человек рожден не для страдания, и он не будет страдать, если станет практиковать трансцендентальную медитацию, что так же просто, как дышать.

– Вы шутите или нет?

– Лучше бы мне такими вещами не шутить, Чарли.

– Почему так мрачно?

– Мои жена и восемнадцатилетняя дочь попались на его крючок. Они прошли обряд инициации. Несколько раз в день заняты медитацией. До всего остального им как до лампочки. Они сияют как басовые барабаны, которым внутрь вставили электрические лампочки.

Я увидел Махариши в Кембридже, штат Массачусетс, после того, как на его крючок попала моя дочь, до того, как то же самое сделала моя жена, и в тот самый день, когда это произошло с актрисой Миа Фэрроу. Было это в прошлом январе. Мисс Фэрроу около года давала всем понять, что она занимается трансцендентальной медитацией, но это было вранье. Просто хотела принадлежать к тем, кто это делает. Без инициации по-настоящему заниматься этим нельзя.

Но приобщить вас может отнюдь не каждый из тех, кто занимается трансцендентальной медитацией. Сделать это имеет право только сам Махариши, что будет для вас величайшей честью, или один из наставников, которых лично подготовил гуру. Мисс Фэрроу оказали высшую честь в номере, который Махариши занимал в кембриджском отеле. Моя жена и дочь обошлись простым инструктором в квартире бостонского художника и джазового музыканта, владевшего искусством медитации.

Дело это личное, но не секретное. Сначала человек посещает несколько публичных лекций, по тону исключительно радостных и внушающих доверие. Вам в самых дружеских интонациях говорят, что медитация – вещь исключительно простая, занимающийся медитативной практикой человек обязательно станет более счастливым, добродетельным и успешным при условии, что все делается правильно. Лектор не объясняет, что люди чувствуют во время медитации, потому что словами этого не передать. Это нужно пережить, говорит он.

Вы просите, чтобы вас принял сам учитель, и во время собеседования тот предлагает вам немного рассказать о себе. Ему интересно знать, принимаете ли вы наркотики, пьете ли, находитесь ли на лечении у психиатра, не сумасшедший ли вы, в конце концов. Человек обязан быть духовно чистым, трезвым и пребывать в полном рассудке – в противном случае он не сможет пройти инициацию. Если у вас заскок и вы лечитесь, то вам придется прийти позднее, когда лечение закончится.

Если учитель решит, что с вами все в порядке, вам велят явиться по определенному адресу в определенное время и в качестве даров принести носовой платок, свежие фрукты и семьдесят пять долларов. Домашним хозяйкам и студентам – тридцать пять.

Итак, в эту новую религию я лично инвестировал семьдесят долларов. Махариши, правда, считает, что это не религия, а техника. Тем не менее, на коктейлях можно слышать, как я, часто находясь в зоне слышимости своей жены и своей же дочери, мрачно говорю:

– На эту чертову религию я уже потратил семьдесят зеленых.

Мои деньги покрывают транспортные расходы для самого гуру и его помощников. Они не шикают, ведут себя скромно и открыто. Если это и религия, то не в южнокалифорнийском стиле. Сержанту Фрайди здесь делать нечего.

На обряде инициации присутствуете только вы и ваш наставник, и вас посвящают в то, что для последователей Махариши действительно не является религией. Горят свечи, курится фимиам, а вокруг висят маленькие фотографии самого Махариши, а также его ушедшего из жизни гуру, которым был Его Святейшество Свами Брахмананда Саварсвати, Джагад Гуру Бхагван Шанкарачарья Джиотир Мат.

Ваш наставник, вероятно, такой же американец, как и вы, одетый в деловой костюм, передаст вам вашу личную мантру – звук, который, когда вы станете постигать его, начнет спуск в глубины вашего сознания. Эта передача звука, обычно – слова на санскрите, представляет собой особое искусство или, прошу прощения, науку, и наставник владеет в совершенстве.

Моя жена спросила у своего наставника, откуда он знает, какой звук какому человеку передавать. Наставник заметил, что вопрос этот сложный.

– Объяснить сложно, – сказал он. – Но поверьте мне, это настоящая наука.

Эта наука немало сделала для моей жены. В тот момент, когда впервые услышала свою мантру, она сразу же отправилась в глубины своего сознания – все глубже и глубже; и в этих глубинах ей открылся истинный восторг. Все, кто испытал подобное, говорят то же самое. И многие, кто научился у Махариши погружаться в собственное сознание, уверяют, что этот восторг бесконечно более прекрасен и приносит гораздо большее просветление, чем любой иной вид кайфа.

К тому же он безопасен – не привяжется ни один полицейский.

Эта новая религия (которая-есть-не-религия-а-техника) приносит огромное удовольствие, не противостоит никаким государственным органам или идеологиям, не требует жертв и открытых демонстраций добродетели и совершенно свободна от риска. Она полностью захватит средний класс – несмотря на то что планета умирает (а она действительно умирает – от отравленного воздуха и некачественной воды).

Внешние проявления этой новой религии чрезвычайно зрелищны. В январе прошлого года, когда я испросил возможность взять интервью у Его Святейшества (правильная форма обращения к Махариши), его помощник велел мне прийти к нему в отель в Кембридже «немедленно». Ему было безразлично, кем я был и кто я есть. Мой приход был просто важен для большей известности Его Святейшества. Сторонники трансцендентальной медитации нуждаются в этой известности, поскольку верят в то, что их техника спасет мир.

Каким образом?

Человек не может пребывать в мире с самим собой, если он несчастлив [так пишет Махариши в книге «Наука бытия и искусство жизни» (издательство Движения духовного возрождения, 1966)]. Те же достойные похвалы усилия, которые предпринимает Организация Объединенных Наций, только скребут по поверхности проблемы мира во всем мире. А вот если бы интеллектуальные и властные ресурсы государственных мужей во всех странах были бы направлены на популяризацию и внедрение практики трансцендентальной медитации в жизнь каждого человека, облик мира изменился бы за ночь... И пока государственные деятели будут пребывать в неведении относительно возможностей улучшить жизнь человека изнутри и, таким образом, принести ему вечный мир, счастье и безграничные интеллектуальные возможности, в решении проблем войны и мира мы всегда будем скользить по поверхности, а народы – страдать от холодных и горячих войн.

– А что вы предлагаете сделать с такими людьми, как Линдон Джонсон и Джордж Уоллес? – спросил я последователя Махариши.

Мы стояли в отеле в толпе белой молодежи возле закрытой двери Его Святейшества. Юноша, которому я задал вопрос, являлся студентом Бостонского университета и гитаристом.

– Вы думаете, они тоже начнут медитировать? – продолжил я.

– Даже если они не будут этого делать, – ответил студент, – то изменятся к лучшему, потому что окружающие их люди станут более совершенными посредством трансцендентальной медитации.

Вот вам и еще одна привлекательная сторона новой религии: стоит вам нырнуть в глубины собственного сознания, как вы успешно решаете текущие проблемы жизни.

Здесь же, перед дверью гуру, стояла средних лет женщина, которая хотела поговорить с Его Святейшеством и узнать, правильно ли она медитирует. Ей казалось, неправильно. Как я понял, для этой женщины погружение в собственное сознание было таким же развлечением, как плавание по-собачьи в реке Кайахога в Кливленде.

– Насколько опасно медитировать неправильно? – обратился я к ней. – Можно заболеть или сойти с ума?

– Ни в коем случае, – отозвалась она. – Самое плохое, что может случиться, – вы будете разочарованы.

Да, это вам не на кресте висеть! И не попасться львам на ужин!

Ко мне подошел помощник гуру с кипой газет и журналов и предложил их взять. Это были «Лук», «Лайф», «Тайм», «Ньюсуик», «Нэшнл обсервер», бостонские «Геральд трибюн» и «Глоуб», а еще «Нью-Йорк таймс мэгэзин», и во всех изданиях были большие статьи о Махариши.

На той неделе в прессе обсуждались три главные темы: пересадка сердца, поимка «Пуэбло» и Махариши. Махариши также выглядел очаровательно в «Тудей шоу», в «Тунайт шоу» Джонни Карсона и на Национальном образовательном телевидении.

Я спросил помощника:

– Вы настолько популярны, что тысячи людей немедленно готовы делать то, к чему вы призываете? Существует книга или брошюра, которую они могли бы купить?

– Нет, – ответил он. – И не будет никогда. Учитель должен сам показать вам, как следует переживать тонкие и деликатные состояния сознания, а потом проверить, верной ли дорогой вы идете.

– Скажите, – продолжил я, – а не могу я подойти к человеку, практикующему медитацию, и произнести: «Слушай, объясни мне, как ты это делаешь, и я сделаю то же самое»?

– Вы будете разочарованы.

В разговор вмешался парень из Бостона. Он рассказал о знакомой девушке, которая открыла свою мантру бойфренду. Делать этого нельзя, а она взяла и сделала.

– Это был ужасный поступок? – поинтересовался я.

И помощник гуру, и бостонец пожали плечами.

– Ничего ужасного в том, что вы могли бы сделать, нет. Поступок может быть мудрым и немудрым, – промолвил помощник.

Я все еще ничего не понимал.

– А что случилось с бойфрендом, когда он использовал мантру своей девушки?

– Он был разочарован.

Отмедитировав, Махариши вышел из номера и, поскольку личные интервью были одновременно обещаны множеству репортеров, он вынужден был организовать чудовищную по размерам пресс-конференцию в танцзале отеля.

Мы все спустились туда. На сцену положили оленью шкуру, на которую Махариши и уселся. Вертя в руках букетик желтых хризантем, он предложил нам задавать ему любые вопросы.

Махариши оказался милейшим человеком – седобородый весельчак небольшого роста, с коричнево-золотистой кожей, широкими плечами и мощной грудью. Глядя на его мускулистые руки и запястья, можно было бы подумать, что за свои пятьдесят шесть лет он немало потрудился физически. Но это не так. Как писал Сирил Данн в лондонском «Обсервере», Махариши начинал как физик, получив степень бакалавра точных наук в Университете Аллахабада. Сам же Махариши никаких личных сведений о себе не выдает – монах не имеет права этого делать.

Монахом он стал сразу после окончания университета, научившись у своих руководителей легкому способу медитации. Другие гуру не очень уважали его упрощенную технику, стремясь достичь просветления методами нарочито трудными, а подчас и гротесковыми. Перед смертью учитель Махариши велел ученику идти в мир и учить людей простой технике, что тот уже и делал в течение десяти лет.

В конце этого года Махариши вернется в Индию как простой монах, станет затворником и уже никогда больше не покажется на публике. Говорят, у него по всему миру четверть миллиона последователей, и его помощники продолжают дело по обращению новых и новых сторонников.

Я сидел на складном стуле в танцзале отеля, а позади меня расположилась пара сотен трансцендентальных медитаторов. Закрыв глаза, я ждал, когда поэзия, исходящая от этого святого человека, подхватит меня и унесет в таинственную Индию.

– Махариши, – произнес один из репортеров, – не чувствуете ли вы обеспокоенность ужасным положением дел в мире? Не кажется ли вам, что на мир слишком быстро надвигается темнота?

– Нельзя назвать комнату по-настоящему темной, – ответил Его Святейшество, – если вы знаете, где выключатель и как его можно повернуть.

– Вы говорите, что сознание по природе своей постоянно находится в поисках счастья. Какие свидетельства в пользу этого вы можете представить?

– Если человек сидит между двумя радиоприемниками, по которым идут разные программы, то он, естественно, отдаст предпочтение той программе, которая ему более приятна.

– Что вы думаете по поводу гражданских прав человека?

– А что это такое?

Проблему гражданских прав Его Святейшеству объяснили на примере темнокожих людей, которые – только потому, что у них темный цвет кожи, – не могут получить хорошее образование или приличную работу.

Махариши ответил, что любой угнетаемый способен избавиться от угнетения и подняться, если будет практиковать трансцендентальную медитацию. Он станет лучше выполнять свою работу, будет получать за нее больше и сможет купить все, что пожелает. И больше он уже не будет угнетенным. Иными словами, ему следует прекратить ныть, взяться за медитацию, подхватить себя за подтяжки и выдвинуться на ведущую позицию на рынке, где все сделки – честные.

Я широко открыл глаза и пристально посмотрел на Махариши. Нет, ему не удалось унести меня в Индию. Он отбросил меня назад в Скенектади, штат Нью-Йорк, где много лет назад я работал агентом по связям с общественностью. Именно там другие люди, но в такой же эйфории, говорили мне о положении человека в обществе в терминах радио, выключателей и честных рыночных сделок. Они тоже считали, что только нелепые глупцы могут чувствовать себя несчастными, когда в мире существует столько способов улучшить свое положение. У этих людей, кстати, тоже были степени бакалавра точных наук. Получалось, что Махариши проделал весь этот путь из Индии лишь для того, чтобы говорить с американцами, как инженер компании «Дженерал электрик».

Журналисты поинтересовались мнением Махариши об Иисусе Христе. У Его Святейшества оно было. Свой ответ он начал с придаточного предложения:

– Из того, что люди мне о Нем рассказывали...

Передо мной сидел человек, который совершенно бескорыстно провел годы своей жизни в американских и европейских отелях, уча христиан, как им спасти мир. А между тем в большинстве из номеров, где он жил, лежит Библия христианской ассоциации «Геден». Он даже не открывал ее, чтобы узнать, чему все-таки учил Иисус.

Вот уж, поистине ищущий ум!

Махариши предположил, что Иисус, вероятно, практиковал нечто подобное трансцендентальной медитации, но его учение было искажено учениками и утрачено. Затем он заявил, что Иисус и ранние христиане совершали ошибку, позволяя своему сознанию рассредоточиваться.

– Нужно постоянно держать себя под контролем, – заявил Махариши.

Блуждающие умы Иисуса и святых привели к формированию того, что Махариши считал абсурдом, – акцента на вере.

– Вера в лучшем случае, – провозгласил он, – позволяет человеку жить и умереть с надеждой. Церкви водят человека в сторону от истинного пути, потому что это все, что они могут предложить.

И мы вновь вернулись на рынок: церкви предлагают верующим сахарные пилюли, а Махариши – не требующее особого рецепта лекарство с потенциалом осадной гаубицы.

Что предпочтете вы?

Я вышел из отеля, и Иисус стал мне более симпатичен, чем до встречи с Его Святейшеством. Мне захотелось подойти к кресту распятия и сказать:

– Ты знаешь, почему там висишь? Ты совершил ошибку: тебе нужно было заниматься трансцендентальной медитацией, что так же просто, как дышать. Кроме того, ты был бы и гораздо лучшим плотником.

И здесь я столкнулся со знакомым мне деканом из Гарварда. Я знал только одного гарвардского декана, и именно с ним столкнулся. Накануне вечером Махариши битком набил студентами театр Сандерса, а потому я спросил декана, не станет ли трансцендентальная медитация очередным поветрием среди студентов.

– Многие студенты сразу ушли, как вы могли заметить, – ответил он.

– Это совершенно вывело из себя моих жену и дочь, – покачал я головой.

– Студенты, с которыми я говорил о Махариши, считают, что его учение не для них – слишком простое, – продолжил декан. – По-настоящему все это интересно только народу из «Бостонского чаепития».

«Бостонское чаепитие» – «ритм-энд-блюз» клуб в одной из краснокирпичных церквей южного Бостона. Посетители клуба и музыканты – преимущественно белые студенты. Клуб является домом движения «Звуки Босс-тауна», «Ньюсуик» назвал его движением «против хиппи и наркотиков».

– Похоже, – произнес я, – это очень хорошая религия для людей, которые не хотят проблем в трудные времена.

– В Гарварде есть прыгун с шестом, он утверждает, что благодаря Махариши с каждым разом прыгает все выше и выше.

– А болельщики кричат громче и громче.

Моя дочь, которая всегда была приличной художницей, заявила, что теперь она гораздо лучше как художник, и благодарить за это нужно Его Святейшество.

Жена же моя, которая в колледже хорошо писала, решила вновь заняться этим делом. Мне они сказали, что и я сочинял бы гораздо лучше, если бы дважды в день нырял в глубины собственного сознания. К тому же жизнь моя стала бы более радостной.

Единственное, что удерживает меня от занятий медитацией, – это лень. Надо выйти из дома, поехать в Бостон и провести там несколько дней. Кроме того, я сомневаюсь, что у меня хватит отваги (и вряд ли мне удастся победить свое чувство юмора) появиться возле чьей-либо двери с фруктами, цветами, чистым носовым платком и семьюдесятью пятью долларами в качестве подарка.

Потому я говорю своей жене всякие гнусности типа:

– Что это за святой, который говорит об экономике как разъездной секретарь Национальной ассоциации производителей?

– Это люди заставляют его говорить об экономике, – отвечает жена. – Сам он не хочет, это не его сфера деятельности.

– Как Махариши умудрился провалиться в Индии, на родине искусства медитации, но достичь такого успеха у представителей среднего класса Скандинавии, Западной Германии, Англии и Америки?

– На то есть, конечно, множество причин.

– Может, потому что он говорит об экономике как разъездной секретарь Национальной ассоциации производителей?

– Думаешь что хочешь, – говорит жена, и в ее голосе звучит любовь. Она улыбается.

– Если его религия приносит столько добра, почему он не идет прямо в трущобы, где люди страдают по-настоящему?

– Он хочет распространить свое учение как можно быстрее, а потому начал с влиятельных людей.

– Таких как «Битлз»?

– Да, среди прочих.

– Я знаю, почему влиятельным людям Махариши нравится больше, чем Иисус. Если бы «Битлз» и Миа Фэрроу пошли вслед за Иисусом, тот бы велел им отказаться от своих денег.

И моя жена улыбается.

Стойкость

Время действия: *настоящее.*

Место действия: *северная часть штата Нью-Йорк, большая комната, наполненная пульсирующими, извивающимися, дышащими механизмами, которые исполняют функции различных органов человеческого тела – сердца, легких, печени и так далее. Разноцветные трубки и провода поднимаются от механизмов вверх, переплетаются и исчезают в отверстиях на потолке. Сбоку – чрезвычайно сложная консоль управления.*

ДОКТОРА ЭЛБЕРТА ЛИТТЛА, милого, привлекательного молодого врача общей практики знакомит с содержимым комнаты и сутью проекта его создатель и руководитель ДОКТОР НОРБЕРТ ФРАНКЕНШТЕЙН.

ФРАНКЕНШТЕЙНУ 65 лет, он – бесчувственный гений от медицины. У консоли, с наушниками на голове, сидит и наблюдает за измерительными приборами и мигающими огнями

ДОКТОР ТОМ СВИФТ, увлеченный работой первый помощник ФРАНКЕНШТЕЙНА.

ЛИТТЛ: О господи! О господи!

ФРАНКЕНШТЕЙН: Да, это почки. А вот там – печень. Здесь же – поджелудочная железа.

ЛИТТЛ: Удивительно! Доктор Франкенштейн! После того что увидел, я начинаю сомневаться, действительно ли я занимался медициной. И был ли я в медицинской школе – тоже вопрос. (Показывает на один из механизмов.) А это ее сердце?

ФРАНКЕНШТЕЙН: Сердце от «Вестингауза». Если вам нужно сердце, они делают их чертовски хорошо. А вот к их почкам я и на пушечный выстрел не подойду.

ЛИТТЛ: Это сердце, наверное, стоит столько, сколько весь город, где я работал.

ФРАНКЕНШТЕЙН: А поджелудочная – весь ваш штат. Это Вермонт?

ЛИТТЛ: Да, Вермонт.

ФРАНКЕНШТЕЙН: Сколько мы заплатили за поджелудочную железу... Да, на эти деньги запросто можно купить весь Вермонт. Раньше никто не изготавливал поджелудочную, а нам она нужна была в течение десяти дней, а то бы мы потеряли больную. Мы обратились ко всем производителям органов: «Парни! Дашь аккордно-премиальную программу по изготовлению поджелудочной! Нам плевать, сколько это будет стоить, но к следующему вторнику нам нужен продукт».

ЛИТТЛ: И у них все получилось!

ФРАНКЕНШТЕЙН: Больная еще жива. И уверяю вас, это ливер недешевый.

ЛИТТЛ: Но ведь пациент может себе позволить такое, верно?

ФРАНКЕНШТЕЙН: Да уж, расплачивается не страховкой от «Голубого Креста».

ЛИТТЛ: Сколько операций она вынесла? И за сколько лет?

ФРАНКЕНШТЕЙН: Первую большую операцию я сделал ей тридцать пять лет назад. А всего с тех пор – семьдесят восемь операций.

ЛИТТЛ: Сколько же ей?

ФРАНКЕНШТЕЙН: Сто лет.

ЛИТТЛ: Ну и нервы у дамы!

ФРАНКЕНШТЕЙН: Вы как раз на них и смотрите.

ЛИТТЛ: Я имел в виду – какая отвага! Какая стойкость!

ФРАНКЕНШТЕЙН: Мы каждый раз ее вырубам. Без анестезии не оперируем.

ЛИТТЛ: Да даже и так...

ФРАНКЕНШТЕЙН хлопает СВИФТА по плечу. СВИФТ снимает наушник с одного уха, распределяя внимание между консолью и присутствующими.

ФРАНКЕНШТЕЙН: Доктор Том Свифт. Это – доктор Элберт Литтл. Том – мой помощник.

СВИФТ: Здравсте!

ФРАНКЕНШТЕЙН: У доктора Литтла врачебная практика в Вермонте. Он оказался в наших краях и попросил об экскурсии.

ЛИТТЛ: Что вы слышите в наушниках?

СВИФТ: Все, что происходит в палате пациента. *(Предлагает Литтлу послушать.)* Прошу вас.

ЛИТТЛ *(слушает)*: Ничего не слышно.

СВИФТ: Даму сейчас причесывают. Там ее косметолог. Она всегда ведет себя тихо, когда ее причесывают. *(Забирает наушники.)*

ФРАНКЕНШТЕЙН (СВИФТУ): Нам следует поздравить нашего юного гостя.

СВИФТ: С чем?

ЛИТТЛ: Хороший вопрос. С чем?

ФРАНКЕНШТЕЙН: Мне известно о той славе, что выпала на вашу долю.

ЛИТТЛ: Какой славе? Мне ничего не известно.

ФРАНКЕНШТЕЙН: Вы ведь тот самый доктор Литтл, которого «Домашний женский журнал» в прошлом месяце назвал «Семейным врачом года», не так ли?

ЛИТТЛ: А, это? Да, правильно. Даже не знаю, как им это пришло в голову. Но что меня поражает гораздо больше, так это то, что человек вашего масштаба знает об этом.

ФРАНКЕНШТЕЙН: Я каждый месяц читаю «Домашний женский журнал» от корки до корки.

ЛИТТЛ: Неужели?

ФРАНКЕНШТЕЙН: У меня только одна пациентка, миссис Лавджой. А миссис Лавджой читает «Домашний женский журнал». Поэтому и я его читаю. Об этом мы с ней и говорим – о том, что там пишут. Мы и о вас там прочитали в номере за прошлый месяц. И теперь миссис Лавджой повторяет: «Какой это, должно быть, милый молодой человек! Такой понимающий!»

ЛИТТЛ: Вот как?

ФРАНКЕНШТЕЙН: И вот вы здесь, что называется, во плоти. Она же написала вам письмо.

ЛИТТЛ: Да, помню.

ФРАНКЕНШТЕЙН: В год миссис Лавджой пишет тысячу писем. И получает тысячу писем в ответ. Неутомимый корреспондент.

ЛИТТЛ: А как у нее настроение? Радостное?

ФРАНКЕНШТЕЙН: Если бы это было не так, то в этом была бы наша вина. Ее настроение зависит от того, как работают эти механизмы. Месяц назад ее охватила грусть, а причиной было то, что здесь, на консоли, полетел транзистор. *(ФРАНКЕНШТЕЙН протянул руку к консоли и одним движением рычажка переустановил какие-то параметры. Механизмы в комнате скорректировали свою работу.)* Вот. Теперь пару минут у нее будет легкая депрессия. *(Он снова изменил параметры.)* А теперь она будет счастливее, чем прежде. Будет петь как птичка.

ЛИТТЛ с трудом скрывает ужас.

СЛЕДУЮЩАЯ СЦЕНА

Палата пациентки, полная цветов, коробок с конфетами и книг. Пациентка – СИЛЬВИЯ ЛАВДЖОЙ, вдова миллиардера. От СИЛЬВИИ осталась только голова, подсоединенная к трубкам и проводам, уходящим в пол, что становится очевидным не сразу. Первый кадр: ГЛОРИЯ, роскошного вида косметолог СИЛЬВИИ, стоит позади нее. СИЛЬВИЯ – красивая, преклонных лет дама, когда-то известная красавица. Она плачет.

СИЛЬВИЯ: Глория...

ГЛОРИЯ: Да, мадам?

СИЛЬВИЯ: Утри эти слезы, пока кто-нибудь не вошел и не увидел.

ГЛОРИЯ (*едва не плачет сама*): Да, мадам. (*Вытирает СИЛЬВИИ слезы «Клинексом», рассматривает салфетку*). Ну вот. Вытерла.

СИЛЬВИЯ: Не знаю, что на меня нашло. Внезапно такая печаль накатила...

ГЛОРИЯ: Каждый должен иногда поплакать.

СИЛЬВИЯ: Ну вот, все проходит. Заметно, что я плакала?

ГЛОРИЯ: Нет, нет, что вы!

Она не может совладать с собственными слезами. Отходит к окну, чтобы СИЛЬВИЯ не видела, как она плачет. КАМЕРА ОТЪЕЗЖАЕТ ОТ НЕЕ и показывает уютную, аккуратно прибранную, с подключенными трубками и проводами, голову. Голова расположена на треножнике. Под головой, там, где у человека располагается грудь, висит черный ящик с мигающими разноцветными огоньками. Оттуда, откуда у человека обычно растут руки, из ящика торчат две механические руки. В пределах досягаемости – стол, где лежат ручка, бумага, частично собранный пазл и громоздкая сумка для рукоделия, из которой высовываются спицы и незаконченный свитер. Над головой СИЛЬВИИ, на кронштейне, закреплен микрофон.

СИЛЬВИЯ (*вздыхая*): Ты, наверное, думаешь: какая глупая женщина! (ГЛОРИЯ качает головой, но молчит, не будучи в силах ответить.) Глория! Ты еще здесь?

ГЛОРИЯ: Да, я здесь.

СИЛЬВИЯ: Что-нибудь не так?

ГЛОРИЯ: Все хорошо.

СИЛЬВИЯ: Ты хорошая подруга, Глория. Я хочу, чтобы ты знала – я это чувствую всем сердцем.

ГЛОРИЯ: Я вас тоже очень люблю.

СИЛЬВИЯ: Если у тебя возникнут какие-нибудь проблемы, я помогу тебе. Ты только скажи.

ГЛОРИЯ: Обязательно скажу.

ГОВАРД ДЕРБИ, клерк, отвечающий в больнице за доставку почты, входит, пританцовывая, с пачкой писем – старый глупый бодрячок.

ДЕРБИ: Как сегодня наша пациентка?

СИЛЬВИЯ: Минуту назад была очень опечалена. Но теперь, увидев вас, я готова петь как птичка.

ДЕРБИ: Сегодня вам пятьдесят три письма. Одно даже из Ленинграда.

СИЛЬВИЯ: В Ленинграде живет одна слепая женщина. Бедняжка!

ДЕРБИ (*сделав из пачки писем подобие веера, читает обратные адреса*): Западная Виргиния, Гонолулу, Брисбен, Австралия.

СИЛЬВИЯ *наугад выбирает конверт.*

СИЛЬВИЯ: Уилинг, Западная Виргиния. Итак, кого мы знаем в Уилинге? *(Она умело открывает конверт механическими руками, читает.)* «Дорогая миссис Лавджой! Вы не знаете меня, но я только что прочитала о вас в «Ридерс дайджест» и теперь сижу и не могу унять слез». «Ридерс дайджест»? Господи! Да той статье уже четырнадцать лет! А она только что прочитала ее?

ДЕРБИ: Старый «Ридерс дайджест» никогда не умрет. У меня у самого дома есть подшивка, а ей уже лет десять. Я всегда его читаю, когда нужно немного взбодриться.

СИЛЬВИЯ *(продолжает читать)*: «Теперь, если со мной что-нибудь случится, я никогда не стану жаловаться. Я думала, что я самая несчастная женщина на свете, после того как мой муж шесть месяцев назад застрелил свою любовницу и застрелился сам, оставив меня с семью детьми и неоплаченным «Бьюиком Роудмастером», у которого проколоты три колеса из четырех и полетела трансмиссия. Прочитав вашу историю, я теперь сижу и благодарю Господа за то, что он мне дал». Милое письмо!

ДЕРБИ: Еще бы!

СИЛЬВИЯ: Там постскрипtum: «Поскорее выздоравливайте!» *(Она кладет письмо на стол.)* А письма из Вермонта нет?

ДЕРБИ: Вермонта?

СИЛЬВИЯ: В прошлом месяце, когда у меня было плохое настроение, я написала, как теперь понимаю, глупое, полное эгоизма и жалости к самой себе письмо молодому врачу, о котором прочитала в «Домашнем женском журнале». Мне стыдно! Я живу в постоянном страхе, меня просто трясет от мысли, что он может написать мне в ответ – если вообще напишет!

ГЛОРИЯ: Да что он сможет вам написать?

СИЛЬВИЯ: Про то, что мир полон реальных страданий, многие люди не знают, что они будут сегодня есть, и существуют сотни тысяч бедняков, которые никогда за всю свою жизнь не посещали врача. А у меня есть все – и нежная забота, и последние чудеса науки и медицины!

СЛЕДУЮЩАЯ СЦЕНА

Коридор перед палатой СИЛЬВИИ. На двери табличка: «ВХОДИТЬ ОБЯЗАТЕЛЬНО С УЛЫБКОЙ!» ФРАНКЕНШТЕЙН и ЛИТТЛ *готовятся войти.*

ЛИТТЛ: Она здесь?

ФРАНКЕНШТЕЙН: Все, что не внизу, все здесь.

ЛИТТЛ: И все, полагаю, слушаются того, что здесь написано.

ФРАНКЕНШТЕЙН: Это компонент терапии. Тут мы лечим не один конкретный орган, а всего пациента.

ГЛОРИЯ выходит из палаты и, плотно закрыв дверь, начинает громко плакать.

ФРАНКЕНШТЕЙН *(ГЛОРИИ, раздраженно)*: Плакать? И так громко? В чем дело?

ГЛОРИЯ: Дайте ей умереть, доктор Франкенштейн. Ради бога, дайте ей умереть!

ЛИТТЛ: Это ее медсестра?

ФРАНКЕНШТЕЙН: Чтобы работать медсестрой, у нее не хватает мозгов. Это паршивый косметолог. За сотню долларов в неделю она занимается лицом и прической нашей пациентки. *(ГЛОРИИ)* Вы перешли все границы, красота. Вы уволены.

ГЛОРИЯ: Что?

ФРАНКЕНШТЕЙН: Забирайте свой чек и проваливайте!

ГЛОРИЯ: Но я ее ближайший друг!

ФРАНКЕНШТЕЙН: Ничего себе друг! Вы же только что попросили меня ее вырубить.

ГЛОРИЯ: Во имя милосердия!

ФРАНКЕНШТЕЙН: Вы уверены в существовании рая? Хотите отправить ее туда, где она сразу же получит крылья и арфу?

ГЛОРИЯ: Про рай ничего не знаю. Но ад есть. Он там, в этой палате, и вы – его изобретатель.

ФРАНКЕНШТЕЙН (*уязвленный, медлит несколько мгновений перед тем, как ответить*): Боже! Какие вещи способны говорить некоторые люди!

ГЛОРИЯ: Пора тем, кто любит, усилить наконец свой голос.

ФРАНКЕНШТЕЙН: Любит. Любовь...

ГЛОРИЯ: Вы даже не знаете, что это такое.

ФРАНКЕНШТЕЙН: Любовь. (*Обращаясь скорее к самому себе, чем к ней.*) Есть у меня жена? Нет. Любовница? Тоже нет. В своей жизни я любил только двух женщин – мать и женщину, которая лежит там, в палате. Я только что окончил медицинскую школу, а моя мать умирала от рака всех органов. «Отлично, умник, – сказал я себе, – ты такой крутой доктор из Гейдельберга. Посмотрим, как ты спасешь от смерти свою мать». Но все мне говорили, что я ничего не смогу для нее сделать, и тогда я ответил: «Пошли к черту. Я сделаю все, что нужно». А они решили, будто я чокнутый, и на время поместили меня в психушку. Когда я вышел оттуда, она уже умерла – как и пророчили те умники. Но они не знали, на какие чудеса способна техника. Я, правда, тоже не знал, но решил выяснить. Отправился в Массачусетский технологический институт, где начал изучать механику, электротехнику и химию – долгих шесть лет! Жил на чердаке, ел черствый хлеб и сыр, который обычно кладут в мышеловку. Когда я закончил МТИ, я сказал себе: «Отлично, парень! Вероятно, ты – единственный на земле человек, достаточно образованный, чтобы заниматься медициной двадцатого века». И я стал работать на клинику Керли в Бостоне. Туда привезли женщину – настоящую красавицу снаружи и полный хаос внутри. Она была точь-в-точь как моя мать. Вдова миллиардера, оставившего ей полмиллиарда долларов. И никаких родственников. А умники опять заявили: «Эта женщина умрет». А я ответил: «Заткнитесь и слушайте! И я объясню вам, что мы будем делать».

Молчание.

ЛИТТЛ: Да, неплохая история.

ФРАНКЕНШТЕЙН: Это история о любви (ГЛОРИИ). Эта история любви началась задолго до того, как вы родились, крупный специалист по любви. И она все еще продолжается.

ГЛОРИЯ: В прошлом месяце она попросила меня принести ей пистолет. Хотела застрелиться.

ФРАНКЕНШТЕЙН: И вы думаете, мне об этом не известно? (*Показывает пальцем на ЛИТТЛА*). Примерно тогда же наша пациентка написала мистеру Литтлу письмо, где попросила его: «Привезите мне цианид, доктор, если у вас есть сердце».

ЛИТТЛ (*неприятно удивленный*): Вы знали про это? Вы... читаете ее почту?

ФРАНКЕНШТЕЙН: Именно так мы можем выяснить, что она действительно чувствует. Порой она пытается нас одурачить – притворяется счастливой. Я ведь говорил вам про сломавшийся транзистор? Это было в прошлом месяце. Мы, может, и не узнали бы про поломку, если бы не читали ее почту и не слушали, что она говорит таким недоумкам, как наш бывший косметолог. (*Воодушевившись.*) Слушайте! Идите туда, к ней! Можете оставаться там, сколько хотите, и задавать любые вопросы. А потом, когда вернетесь, расскажете правду: она счастливая женщина или же живет в аду?

ЛИТТЛ (*раздираемый сомнениями*): Я...

ФРАНКЕНШТЕЙН: Идите! А я должен кое-что еще сказать этой юной леди – этой Мисс Убийство-из-жалости года. Я хочу показать ей тело, пару лет пролежавшее в гробу. Пусть посмотрит, как привлекательна смерть. Она ведь смерти хочет для своей подруги!

ЛИТТЛ *отчаянно ищет, что сказать; наконец, мимикой дает понять, что хочет быть честным и справедливым до конца, и отправляется в палату.*

СЛЕДУЮЩАЯ СЦЕНА

Палата. СИЛЬВИЯ одна, лицом отвернувшись от двери.

СИЛЬВИЯ: Кто там?

ЛИТТЛ: Друг. Вы написали мне письмо.

СИЛЬВИЯ: Я многим писала. Могу я на вас посмотреть? (ЛИТТЛ *подходит.*) (СИЛЬВИЯ *смотрит на него с растущей симпатией.*) Вы – доктор Литтл, семейный врач из Вермонта.

ЛИТТЛ (*вежливо поклонившись*): Миссис Лавджой! Как вы себя чувствуете?

СИЛЬВИЯ: Вы принесли мне цианид?

ЛИТТЛ: Нет.

СИЛЬВИЯ: Я бы сегодня все равно не стала принимать яд. Такой чудесный день! Хочется им насладиться. Завтрашним, кстати, тоже. Вы приехали на белоснежном коне?

ЛИТТЛ: В голубом «Олдсмобиле».

СИЛЬВИЯ: А как же ваши пациенты, которые любят вас и кому вы так нужны?

ЛИТТЛ: Другой врач заменяет меня, а я взял отпуск на неделю.

СИЛЬВИЯ: Не ради меня?

ЛИТТЛ: Нет.

СИЛЬВИЯ: У меня ведь все в порядке. Вы же знаете, в каких я умелых руках.

ЛИТТЛ: О, да!

СИЛЬВИЯ: В общем, другой врач мне не нужен.

ЛИТТЛ: Вы совершенно правы.

Пауза.

СИЛЬВИЯ: Хотя мне очень хотелось бы поговорить с кем-нибудь о смерти. Вы ведь часто с ней встречаетесь, полагаю?

ЛИТТЛ: Иногда.

СИЛЬВИЯ: И для тех, кто умирает, – это ведь благо?

ЛИТТЛ: Я слышал, так говорят.

СИЛЬВИЯ: А сами вы так говорите?

ЛИТТЛ: Врач не должен это обсуждать. Это непрофессионально, миссис Лавджой.

СИЛЬВИЯ: Почему же другие люди считают, что смерть есть благо?

ЛИТТЛ: Иногда пациент испытывает боль, его нельзя вылечить ни за какие деньги. А бывает, пациент превращается в овощ, и разум ему уже не вернуть.

СИЛЬВИЯ: Ни за какие деньги?

ЛИТТЛ: Насколько мне известно, сейчас есть возможность использовать искусственное сознание. Можно его выпросить, занять, а то и украсть. Если бы я спросил об этом у доктора Франкенштейна, он, наверное, рассказал бы мне.

Пауза.

СИЛЬВИЯ: Искусственное сознание – реальность.

ЛИТТЛ: Это он вам сказал?

СИЛЬВИЯ: Вчера я спросила у доктора Франкенштейна, что произойдет, если мой мозг начнет сдавать. Он был откровенен. Сказал, что мне не следует забивать этой проблемой свою маленькую хорошенькую головку. «Мы перейдем этот мост, когда настанет время». Так и сказал. *(Пауза.)* О господи! Сколько же мостов я перешла!

СЛЕДУЮЩАЯ СЦЕНА

Комната с искусственными органами – та же самая. СВИФТ у консоли. Входят ФРАНКЕНШТЕЙН и ЛИТТЛ.

ФРАНКЕНШТЕЙН: Ну вот, вы совершили грандиозную экскурсию, и теперь мы вернулись к ее началу.

ЛИТТЛ: И я по-прежнему говорю то, что говорил в начале: «О господи! О господи!»

ФРАНКЕНШТЕЙН: Трудновато будет вернуться к аспиринам и слабительным после того, что вы здесь увидели, верно?

ЛИТТЛ: Да. *(После паузы.)* Какая из вещей здесь самая дешевая?

ФРАНКЕНШТЕЙН: Та, что проще всего. Вот этот чертов насос. Он заменяет сердце.

ЛИТТЛ: Сколько он стоит?

ФРАНКЕНШТЕЙН: Шестьдесят тысяч долларов. Есть дешевле, есть дороже. Дешевые – мусор, дорогие – как бриллианты.

ЛИТТЛ: А сколько их продается в год?

ФРАНКЕНШТЕЙН: Шестьсот штук, плюс-минус несколько.

ЛИТТЛ: Плюс одна – одна жизнь. Минус одна – одна смерть.

ФРАНКЕНШТЕЙН: Это в случае, если проблема с сердцем. Вам повезло, если у вас такая недорогая проблема. *(СВИФТУ)* Послушайте, Том, усыпите нашу пациентку, чтобы доктор Литтл увидел, как у нас заканчивается день.

СВИФТ: Но у нас еще есть двадцать минут.

ФРАНКЕНШТЕЙН: Да какая разница! Поспит лишние двадцать минут – завтра будет чувствовать себя на миллион долларов, если не полетит еще один транзистор.

ЛИТТЛ: Так почему бы вам не направить на нее телевизионную камеру и не смотреть на то, что с ней происходит, на экране?

ФРАНКЕНШТЕЙН: Она не хочет.

ЛИТТЛ: Ей предоставляют только то, что хочет она сама?

ФРАНКЕНШТЕЙН: Так она решила. А какого черта мы должны смотреть на ее лицо? Достаточно снять параметры с приборов, и мы узнаем о ней больше, чем знает она сама. *(СВИФТУ)* Усыпите ее, Том.

СВИФТ: Это похоже на то, как вы останавливаете машину или выключаете горелку.

ЛИТТЛ: Неужели?

ФРАНКЕНШТЕЙН: У Тома тоже две степени – медицина и технические науки.

ЛИТТЛ: Вы устаете к концу дня, Том?

СВИФТ: Это приятная усталость – словно ты управлял большим реактивным самолетом, который летел из Нью-Йорка в Гонолулу. *(Берется за рычаг.)* А теперь у миссис Лавджой будет приятная мягкая посадка. *(Медленно поворачивает рычаг, и механизмы замедляют работу.)* Вот так.

ФРАНКЕНШТЕЙН: Чудесно.

ЛИТТЛ: Она спит?

ФРАНКЕНШТЕЙН: Как дитя.

СВИФТ: Все, что нам остается сделать, дожидаться сменщика.

ЛИТТЛ: Никто не приносил ей чего-нибудь, с помощью чего она могла бы покончить с собой?

ФРАНКЕНШТЕЙН: Нет. Да даже если бы и принес, беспокоиться не о чем. Руки сконструированы так, что ей ни за что не удастся направить на себя пистолет или поднести яд к губам – как бы ни старалась. Это придумал Том. Он – гений!

ЛИТТЛ: Поздравляю!

Раздается тревожный звонок. Свет мигает.

ФРАНКЕНШТЕЙН: Кто бы это мог быть? (ЛИТТЛУ) Кто-то вошел в ее комнату. Надо бы проверить. (СВИФТУ) Заприте дверь в палату, Том. Кто бы туда ни попал, мы его поймем. (СВИФТ нажимает кнопку, которая запирает дверь наверху.) (ЛИТТЛУ) Вы пойдете со мной.

СЛЕДУЮЩАЯ СЦЕНА. Палата

СИЛЬВИЯ спит, похрапывая. В палату только что пробралась ГЛОРΙΑ. Она с опаской оглядывается, потом достает из сумочки револьвер и, проверив, заряжен ли он, прячет в сумку с рукоделием, лежащую на столе. ГЛОРΙΑ едва успевает это сделать, как входят запыхавшиеся ЛИТТЛ и ФРАНКЕНШТЕЙН, открывший палату ключом.

ФРАНКЕНШТЕЙН: Что происходит?

ГЛОРΙΑ: Я забыла здесь часы. (Показывает на часы.) Теперь они со мной.

ФРАНКЕНШТЕЙН: Кажется, я запретил вам появляться в этом здании!

ГЛОРΙΑ: Я и не появлюсь.

ФРАНКЕНШТЕЙН (ЛИТТЛУ): Караульте ее здесь. А я пока проверю, как и что. Не исключено, что она успела что-то натворить. (ГЛОРИИ) Не хотите ли предстать перед судом за попытку предумышленного убийства? (В микрофон.) Том! Ты меня слышишь?

СВИФТ (через переговорное устройство): Слышу!

ФРАНКЕНШТЕЙН: Разбуди ее. Я должен проверить, все ли с ней в порядке.

СВИФТ: Ку-ка-ре-ку!!!

Слышно, как механизмы на нижнем этаже начинают набирать скорость. СИЛЬВИЯ открывает глаза, приятно удивленная.

СИЛЬВИЯ (ФРАНКЕНШТЕЙНУ): Доброе утро, Норберт!

ФРАНКЕНШТЕЙН: Как вы себя чувствуете?

СИЛЬВИЯ: Так же, как всегда, когда просыпаюсь: отлично! Словно я на морском берегу. Глория! Доброе утро!

ГЛОРΙΑ: Доброе утро.

СИЛЬВИЯ: Доктор Литтл! Вы решили остаться еще на день?

ФРАНКЕНШТЕЙН: Это не утро. Через минуту вы опять уснете.

СИЛЬВИЯ: Я опять заболела?

ФРАНКЕНШТЕЙН: Вряд ли.

СИЛЬВИЯ: Вы хотите мне сделать еще одну операцию?

ФРАНКЕНШТЕЙН: Успокойтесь, прошу вас (достает из кармана офтальмоскоп).

СИЛЬВИЯ: Как я могу быть спокойной, когда мне предстоит еще одна операция?

ФРАНКЕНШТЕЙН (в микрофон): Том! Дай ей транквилизаторы.

СВИФТ (в переговорном устройстве): Будет сделано!

СИЛЬВИЯ: С чем я должна расстаться на сей раз? С ушами? Волосами?

ФРАНКЕНШТЕЙН: Сейчас мы поможем вам успокоиться.

СИЛЬВИЯ: Или с глазами? Мои глаза, Норберт! Настал их черед?

ФРАНКЕНШТЕЙН (ГЛОРИИ): Ну что, крошка? Смотри, что ты наделала! (*В микрофон.*) Где там твои чертовы транквилизаторы?

СВИФТ: Сейчас начнут действовать.

СИЛЬВИЯ: Ладно. Не имеет значения. (ФРАНКЕНШТЕЙН *осматривает ее глаза.*) Так все-таки мои глаза?

ФРАНКЕНШТЕЙН: Ни то, ни другое, ни третье.

СИЛЬВИЯ: Легко досталось, не жаль и потерять.

ФРАНКЕНШТЕЙН: Вы здоровы, как молодая породистая лошадь.

СИЛЬВИЯ: Я уверена, появился производитель отменных глаз!

ФРАНКЕНШТЕЙН: «Эр-си-эй» делает отличный товар, но мы пока не собираемся что-либо у них покупать. (*Отходит, вполне удовлетворенный.*) Все отлично. (ГЛОРИИ) Вам повезло.

СИЛЬВИЯ: Я радуюсь, когда моим друзьям везет.

СВИФТ: Усыплять?

ФРАНКЕНШТЕЙН: Подожди. Мне нужно еще проверить кое-что внизу.

СВИФТ: Понял. Конец связи.

СЛЕДУЮЩАЯ СЦЕНА

ЛИТТЛ, ГЛОРИЯ и ФРАНКЕНШТЕЙН *минутой позднее* входят в комнату с машинами. СВИФТ сидит у консоли управления.

СВИФТ: Сменщик опаздывает.

ФРАНКЕНШТЕЙН: У него дома проблемы. Хочешь хороший совет? Никогда не женись. (*Он изучает прибор за прибором.*)

ГЛОРИЯ (*потрясенная обстановкой в комнате*): О господи! О господи!

ЛИТТЛ: Никогда не видели ничего подобного?

ГЛОРИЯ: Нет.

ФРАНКЕНШТЕЙН: Она была здесь великим специалистом по волосам. Обо всем остальном заботились мы – обо всем, кроме волос. (*Показатели одного из приборов озадачивают его.*) Что это? (ФРАНКЕНШТЕЙН *легонько ударяет по прибору, и тот начинает показывать правильные данные.*) Так-то лучше!

ГЛОРИЯ (*глухо*): Наука...

ФРАНКЕНШТЕЙН: А что, вы думали, находится в этой комнате?

ГЛОРИЯ: Я боялась думать. Теперь я понимаю, почему.

ФРАНКЕНШТЕЙН: У вас есть хоть какое-нибудь научное образование, чтобы оценить хотя бы приблизительно то, что вы здесь видите?

ГЛОРИЯ: В школе я два раза засыпалась на экзамене по естественной истории.

ФРАНКЕНШТЕЙН: А чему вас учили в колледже косметологов?

ГЛОРИЯ: Дурацким вещам для последних дураков. Как красить лицо. Завивать и развивать волосы. Стричь волосы. Красить волосы. Ухаживать за ногтями на руках, а летом – и на ногах.

ФРАНКЕНШТЕЙН: Я полагаю, вы разболтаете всем о том, что видели здесь, когда выйдете отсюда?

ГЛОРИЯ: Вероятно.

ФРАНКЕНШТЕЙН: Зарубите себе на носу: у вас нет ни мозгов, ни достаточного образования, чтобы квалифицированно говорить о том, что мы здесь делаем. Понятно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.